

Александр
Энгельгардт

Письма
из деревни

Классика
русской
мысли

Классика русской мысли

Александр Энгельгардт

Письма из деревни

«Алисторус»

2010

Энгельгардт А. Н.

Письма из деревни / А. Н. Энгельгардт — «Алисторус»,
2010 — (Классика русской мысли)

Александр Николаевич Энгельгардт – ученый, писатель и общественный деятель 60-70-х годов XIX века – широкой публике известен главным образом как автор «Писем из деревни». Это и в самом деле обстоятельные письма, первое из которых было послано в 1872 году в «Отечественные записки» из родового имения Энгельгардтов – деревни Батищево Дорогобужского уезда Смоленской области. А затем десять лет читатели «ОЗ» ожидали публикации очередного письма. Двенадцатое по счету письмо было напечатано уже в «Вестнике Европы» – «Отечественные записки» закрыли. «Письма» в свое время были изданы книгой, которую внимательно изучали Ленин и Маркс, благодаря чему «Письма из деревни» переиздавали и после 1917 года.

© Энгельгардт А. Н., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Предисловие	5
Письмо первое	6
Письмо второе	19
Письмо третье	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Николаевич Энгельгардт

Письма из деревни

Предисловие

Сто лет назад в России произошла великая революция, которая во многих отношениях изменила мир. В самой России она еще не закончилась, и в конце 80-х годов прошлого века мы вновь вошли в полосу великих потрясений. Развал исторической России (в форме СССР) и последующий глубокий продолжительный кризис – эпизод русской революции на волне «отлива». Знание и понимание этих процессов – средство сокращения массовых страданий нашего народа и условие лучшего выбора пути и преодоления кризиса, и дальнейшего развития нашего государства, общества и культуры. Среди книг, которые дают нам такое знание и способствуют пониманию, особое место занимает книга А.Н. Энгельгардта «Письма из деревни (1872–1887)». Эту книгу надо бы прочитать (а лучше – читать понемногу и думать) всем, кто старается разобраться в причинах тех или иных исторических выборов в XX веке, в смысле нынешних противостояний и противоречий в России, составить свое мнение о доктринах и планах ее реформирования. Эту книгу читал (в сентябре-октябре 1882 г., незадолго до своей смерти) Карл Маркс. Читал, делая заметки на полях. Его интересовало основательное эмпирическое описание русской общины, которое противоречило представлениям об отсталости крестьянского хозяйства по сравнению с капиталистическим. Эту книгу читал Ленин, еще веря, что «весь аграрный строй государства становится капиталистическим». Книга А.Н. Энгельгардта показывала, что это невозможно в принципе, а не из-за косности крестьянства. А.Н. Энгельгардт обращал внимание на очень важный факт: интеллигенция России, в общем, не имела представления о самых главных сторонах жизни и хозяйственного уклада крестьян. Это вело к непониманию того, что в тисках реальных ограничений крестьяне нашли наилучший способ хозяйства, причем такой, что не приводил их к одичанию и погружению в цивилизацию трущоб.

Согласно А.Н. Энгельгардту, крестьяне вели хозяйство гораздо лучше и рациональнее помещиков с их агрономами и удобрениями. Эта книга помогла русской интеллигенции, в том числе В.И. Ленину, понять, что русская революция имела иной характер, нежели предсказывал Маркс, исходя из знания о западном капитализме. Она поможет многое понять еще не одному поколению нашей интеллигенции. А.Н. Энгельгардт – умнейший и очень добрый человек, замечательный мастер-литейщик, ученый-химик и агроном, ценящий и любящий физический труд и труженика. Он – истинный демократ и просветитель, уважающий ум, опыт и взгляды людей, которым он стремился передать научное знание. К его наблюдениям и рассуждениям надо прислушаться молодым людям, которые временно усомнились в ценности всех этих качеств. И еще. А.Н. Энгельгардт – прекрасный автор и рассказчик, он будит в нас память о близких и дорогих нам образах русских людей всех сословий, о деревне и природе Центральной России. Читать эту книгу – большая радость, душа отдыхает.

С.Г. Кара-Мурза

Письмо первое

Описание моего зимнего дня, – Кондитер Савельич. – Объяснение кухарке Авдотье опытов Пастера. – Легко ли получать с крестьян оброки. – Скотник Петр и жена его, скотница Ховра. – «Скотная изба». – Параллель между отставным профессором и отставным кондитером. – После обеда. – Народный календарь. – «Старуха». – Подаяние «кусочков». – Кто их собирает. – Как «старуха» лечит скот. – Доклад старосты Ивана. – Черно-желто-белый кот. – «Нытики». – Признаки светопрествления

Вы хотите, чтобы я писал вам о нашем деревенском житье-бытье¹. Исполняю, но предупреждаю, что решительно ни о чем другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми я ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе... Нам ни до чего другого дела нет.

5 февраля я праздновал годовщину моего прибытия в деревню. Вот описание моего зимнего дня.

...Пожинав, я ложусь спать и, засыпая, мечтаю о том, что через три года у меня будет тринадцать десятин клеверу наместо облог, которые я теперь подымаю под лен. Во сне я вижу стадо пасущихся на клеверной отаве холмогорок, которые народятся от бычка, обещанного мне одним известным петербургским скотоводом. Просыпаюсь с мыслью о том, как бы прикупить сенца подешевле.

Проснувшись, зажигаю свечку и стучу в стену – барин, значит, проснулся, чаю хочет. «Слышу!» отвечает Авдотья и начинает возиться с самоваром. Пока баба ставит самовар, я лежу в постели, курю папироску и мечтаю о том, какая отличная пустошь выйдет, когда срубят проданный мною нынче лес. Помечтав, покулив, надеваю валенки и полушубок. Дом у меня плоховат: когда вытопят печи, к вечеру жарко донельзя, к утру холодно, из-под полу дует, из дверей дует, окна замерзли, совершенно как в крестьянской избе. Я было сначала носил немецкий костюм, но скоро убедился, что так нельзя, и начал носить валенки и полушубок. Тепло и удобно. Наконец, баба, позевывая, несет чай. Одета она, как и я, в валенки и полушубок.

– Здравствуй, Авдотья. Ну, что?

– А ничего!

– Холодно?

– Не то чтобы очень; только мятет.

– Иван ушел на скотный?

– Давно ушел: чай, уж корм задали.

– Что это Аыска вчера вечером лаяла?

– А бог ё знает. Так, ничего. Волки, должно, близко подходили.

Я заказываю обед. Авдотья, жена старосты Ивана, у меня хозяйка в доме. Она готовит мне кушанье, моет белье, заведует всем хозяйством. Она же доит коров, заведует молочным скотом, бьет масло, собирает творог. Авдотья – главное лицо в моем женском персонале, и все другие бабы ей подчинены, за исключением «старухи», которая хозяйкой в застойной.

Обед заказан. Баба уходит. Я пью чай и мечтаю о том, как будет хорошо, когда нынешнею весною вычистят низины на пустошах и облогах, через что покос улучшится и сена будет больше.

Пью чай, курю и мечтаю. Иван староста пришел; одет в валенки и полушубок.

– Здравствуй, Иван. Ну, что?

– Все слава богу. Корм скоту задали. Корова бурая белобокая телилась.

– А! Благополучно?

– Слава богу. Схолилась как следует. В маленький хлевок поставили.

– Телочку телила?

– Телочку – буренькая, белоспиная... Ничего телочка.

Я достаю из стола записную книгу, записываю новорожденную телочку в список нынешних телят: «№ 5/72 – бурая белоспиная телочка

8/11 72 от № 10» и смотрю по календарю, когда телочке будет шесть недель, что отмечаю в книге.

– Что, хорошо съели вечернюю дачу?

– Хорошо съели, только былье осталось. Пустотное сено, сами изволите посмотреть, роговой скот хорошо будет съедать: кроме былья, ничего не останется, потому в нем вострецу нет.

– Что это Лыска вчера вечером лаяла?

– Так, ничего. Волки, должно, подходили.

Молчание. Говорить больше не о чем. Иван, выждав, сколько требует приличие, и видя, что говорить больше нечего, берет чайную посуду и уходит к Авдотье пить чай.

После чая я или пишу или читаю химические журналы, собственно, впрочем, для очищения совести: неловко как-то, занимавшись двадцать лет химией, вдруг бросить свою науку. Но не могу не сознаться, что очень часто, читая статью о каком-нибудь паро-хлор-метаталуйдине, я задумываюсь на самом интересном месте и начинаю мечтать, как бы хорошо было, если бы удалось будущей осенью купить пудов 500 жмаков... навоз-то какой был бы!

Обутрело. Кондитер Савельич пришел печи топить. У меня печи топил кондитер, настоящий кондитер, который умеет делать настоящие конфеты. Попал этот кондитер ко мне случайно. Когда-то, лет пятьдесят или шестьдесят тому назад – за старостью, кондитер сам позабыл, сколько ему лет, – Савельич учился кондитерскому ремеслу в одной из лучших кондитерских в Москве, был кондитером в одном из московских клубов, потом был взят помещиком в деревню, где проходил различные должности: был поваром, кучером, буфетчиком, выездным лакеем, истопником, судомойкой и т. п. Жениться Савельич не успел, хозяйством и семейством не обзавелся, собственности не приобрел – у господ был всегда на застольной, – под старость оглох и по несчастному случаю потерял челюсть, которую ему вынул какой-то знаменитый хирург, вызванный из-за границы для пользования одного богатого больного барина. Случилось как раз в это время, что Савельичу ударом какого-то механизма на круподерне, где он драл крупу, раздробило левую челюсть; сделалась рана, и раздробленную челюсть пришлось вынуть, что и исполнил знаменитый хирург. Операция удалась. Савельич остался жив и исправно жует одною челюстью. Одиннадцать лет тому назад Савельич сделался вольным и с тех пор жил все больше около церкви. Сначала был церковным старостой, потом ходил с книжкой собирать на церковь. Последние же два года Савельич жил как птица небесная, со дня на день, перебиваясь кое-как. Летом и осенью нанимался за мужиков караулить церковь, за что очередной двор давал ему харчи и платил по 5 копеек за ночь, варил иногда купцам в городе варенье, за что ему тоже перепали кое-какие деньжонки. Зимой же – самое трудное для Савельича время – жил на капитал, заработанный летом. Квартировал на своих харчах у какого-нибудь знакомого мужика и за квартиру помогал мужику в домашних работах – за водой сходит, дров нарубит, люльку качает – старик во дворе никогда не лишний; кормился же своим кондитерским ремеслом: купит на заработанные летом деньжонки несколько фунтов сахара, наделает леденцов и носит по деревням (разумеется, без торгового свидетельства). Даст «старухе» конфету для внучат – она его накормит. Разумеется, плохо ел всегда, голодал иногда, но милостыни, говорит, не просил. Ко мне Савельич попал таким образом: захожу как-то в прошедшем году великим постом в избу, где живут работники и работницы, вижу, сидит в одной рубашке высокий, худой истощенный от плохого харча, лысый старик и трет в деревянной ступе табак. «Кто это?», спрашиваю. «А старик, – говорит староста, – по знакомству зашел; я ему табак дал стереть – пообедает за это с нами». Под вечер, отдавая отчет по хозяйству, староста заговорил о старике, рассказал, что старик бывший дворовый, что он кондитер, при гос-

подах живал, господские порядки знает, и попросил позволения пригласить старика к светлому празднику разговеться, «а он за это поможет Авдотье к празднику стол готовить», прибавил староста. Я, разумеется, позволил. Авдотья была в восторге, что старик придет к празднику и поможет ей все приготовить хорменно (форменно), как у господ бывает. Чтобы все было хорменно, как у господ, – это конек Авдотьи.

Поселившись в деревне, я решился не заводить ни кучеров, ни поваров, ни лакеев, то есть всего, что составляет принадлежность помещичьих домов, что было одною из причин разорения небогатых помещиков, не умевших после «Положения» повести свою жизнь иначе, чем прежде, что было одною из причин, почему помещики побросали хозяйства и убежали на службу. Поселившись в деревне, я повел жизнь на новый лад.

В имении я нашел старосту; у старосты, разумеется, оказалась баба, которая вела его хозяйство, готовила ему кушанье, мыла белье. Я переместил старосту с бабой из избы в дом и сделал Авдотью моею хозяйкой, кухаркой, прачкой. По хозяйству – молочное дело, выпойка телят и пр. – учить ее мне было нечему: я сам у нее учусь и должен сознаться, что от нее научился гораздо большему, чем по книгам, где говорится, что «у молочной коровы голова бывает легкая, с тонкими рогами, ноги тонкие, хвост длинный и тонкий, кожа и волосы мягкие и нежные, вообще же весь вид *женственный* и пр.»; но по части кухни я ей несколько помог. При помощи моей (недаром же я химик: все-таки, и в поваренном деле могу понять суть) Авдотья, обладающая необыкновенными кулинарными способностями и старанием, а также присутствиями каждой бабе знаниями, как следует печь хлеб, делать щи и пироги, стала отлично готовить мне кушанье и разные запасы на зиму – пикули, маринованные грибки, наливки, консервы из рыбы и раков, варенье, сливочные сыры. Я ей объяснил, что при приготовлении сиропа из ягод, главное – варить до такой степени, чтобы, под влиянием кислоты, кристаллический сахар перешел в виноградный и сироп сгустился настолько, чтобы брожение не могло происходить; объяснил, что гниения в консервах, плесени в пикулях и пр., как показал Пастер, не будет, если из воздуха не попадут зародыши низших организмов; объяснил действие высокой температуры на зародыши, белковину и т. п. Все это Авдотья прекрасно поняла. Все идет у нас отлично: и масло выделяем превосходное, и бархатный сливочный сыр делаем такой, что Эрберу не грех было бы подать своим посетителям, и раков маринуем, и ветчину солим, и гусей коптим, и колбасы чиним, и рябчиков жарим не хуже, чем у Дюссо. В одном только мы с Прохоровной не сходимся: я забочусь только о вкусе, а она, кроме того, и о том, чтобы все было форменно, как у господ бывает, чтобы нас не осудили. Кондитер, который жил при господах, был для нее истинною находкой, и она с волнением ожидала, разрешу ли я пригласить кондитера к светлому празднику: праздник большой, попы приедут, а у нас не форменно будет.

Кондитер пришел за три дня до праздника. Зарезали барана; я съездил на станцию и купил крупчатки, сандалу, изюму, миндалю, – началасьстряпня; кондитер вырезал из разноцветной бумаги украшения для кулича и бараньего окорока; я, вместе с одним из друзей-химиков, приехавшим из Петербурга ко мне в гости на праздник, сделали из розовой чайной бумаги цветков-розан, надушили его превосходными духами и воткнули в кулич. Все вышло отлично – и кулич, и пасха, и поросенок, и баранина, а главное, все было форменно, и перед попами мы не ударили лицом в грязь. Авдотья была на вершине блаженства и ходила с сияющим лицом, наряженная в яркий сарафан. Кондитер только сплеховал – взялся он сделать какой-то сладкий английский торт, но торт не вышел, то есть вышел очень плох. Заметив на другой день, что все было съедено, за исключением английского торта, кондитер так сконфузился, что, не говоря ни слова, куда-то скрылся.

Летом кондитер жил где-то при церкви, недалеко, верстах в десяти от меня. Я про него забыл совершенно. Только в августе, когда понадобился сторож для озимей, картофеля и гороха, я вспомнил про кондитера. Дай, думаю, возьму его к себе на зиму – не объест, ведь, а все что-нибудь в доме сделает. С августа кондитер поселился у меня и оказался очень полезным

человеком: осенью горох и картофель караулил, лошадей чужих с озими выгонял, конечно, ни одной лошади в потраве не поймал (стар, от худых харчей с тела спал и силу потерял), но все-таки полевой сторож, – мужики опаску имеют и лошадей так зря не пускают, а если зайдет какая по нечаянности, старик выгонит. Осенью дом конопатил, двойные рамы вставлял. Теперь печи топят, Авдотье помогает, комнаты убирает, кошек школит, если провинятся, платье чистит, посуду моет, а иногда конфеты делает.

Кондитер затопил печи. Авдотья из-под коров пришла. Хлебы в печь сажает. Стряпать собирается. Пришел Иван.

– Что?

– Надумался за Днепр сегодня съездить. Сена не удастся ли дешево купить. Говорят, с выкупными сильно нажимают. Становой в волости был. Теперь, по нужде, сено, может, кто продаст, а то как заплатят недоимки – не купишь, потому нынче и у крестьян корму везде умаление.

– Какие же теперь выкупные?

– Да это все осенние, пеньковые выбивают. Пеньку продали, да не расплатились. Пеньки нынче плохи. Хлеба нет. Другой пеньку продал, а подати и выкупные не уплатил, потому что хлеба купил. Вот Федот куль-то брал – заплатил из того, что за пеньку выручил, а выкупные не внес. Теперь и нажимают.

– Ну, поезжай, покупай сено. Да в волость не заедешь ли? Что же наши оброки?

– Недавно был. Волостной обещал. Вот, говорит, казенные выберу, – за ваши примусь. У Марченка сам был.

– Ну, что ж?

– Да, что ж, ничего. Я ему говорю: что ж ты, – пеньку продал, а недоимку не несешь?

– Ну?

– Денег, говорит, нету. За пеньку двадцать рублей взял, пять осьмин хлеба купил – и хлеб показал. Сам, говорит, знаешь, что у меня шестеро детей: ведь их кормить нужно. Это ведь, говорит, не скотина, не зарежешь да не съешь, коли корму нет. Что хочешь делай, а корми.

– А другие что?

– Другие известно, что говорят: коли платить, так всем платить поровну, что следует. Коли милость барин сделает с Марченка подождать, так за что же мы будем раньше его платить. У Марченка еще бычок есть – пусть продаст. Пороть его нужно. Народил детей – умей кормить.

– Хорошо. Ну, поезжай с богом. Хлопочи насчет сена.

Получение оброков дело очень трудное. Кажется, оброк – верный

доход, все равно, что жалованье, но это только кажется в Петербурге. Там, в Петербурге, – худо ли, хорошо, – отслужил месяц и ступай к казначею, получай, что следует. Откуда эти деньги, как они попали к казначею – вы этого не знаете и спокойно кладете их в карман, тем более, что вы думаете, что их заслужили, заработали. Тут же не то: извольте получить оброк с человека, который ест пушной хлеб, который кусок чистого ржаного хлеба несет в гостинец детям... Прибавьте еще к этому, что вы не можете обольщать себя тем, что заслужили, заработали эти деньги...

Конечно, получить оброк можно, – стоит только настоятельно требовать; но ведь каждый человек – человек, и, как вы себя ни настраивайте, однако, не выдержите хладнокровно, когда увидите, как рыдает баба, прощаясь с своею коровой, которую ведут на аукцион... Махнете рукой и скажете: подожду. Раз, другой, а потом и убежите куда-нибудь на службу; издали требовать оброк легче: напишете посреднику, скот продадут, раздирательных сцен вы не увидите...

Староста ушел. Я иду на скотный двор. Скот уже напоили и начинают закладывать вторую дачу корма. Я захожу в каждый хлев, смотрю, чисто ли съедена утренняя задача. Вторую задачу дают при мне. Я смотрю, как скот ест, не отбивают ли одни коровы других, не следует ли которую поставить в отдельный хлевок для поправки. Захожу в телятник, в овчарню, в скотную

избу, где, кроме скотника, скотницы (его жены) и их семерых детей, помещаются еще новорожденные телята и ягнята.

Кроме старосты, у меня есть еще скотник Петр с женой Ховрой и детьми. У скотника семеро детей: Варнай – 14 лет, Аксиныя – 11 лет, Андрей – 10 лет, Прохор – 8 лет, Солошка – 6 лет, Павлик – 4 лет, Ховра – еще нет году. Все это семейство, до Солошки включительно, работает безустанно с утра до ночи, чтобы только прокормиться.

Сам скотник Петр летом, с 1 мая по 1 октября, пасет скот, зимой же, с 1 октября по 1 мая, кормит и поит скот. В этой работе ему помогают два старшие сына – Варнай (14 лет) и Андрей (10 лет). Летом скотник, встав на заре до солнечного восхода, выгоняет скот в поле и при помощи двух старших ребят (скота нынче будет 100 штук) пасет его (младший, Андрей, обыкновенно носит ружье против волков). В 11 часов он пригоняет скот на двор, где скот стоит до 3 часов. В 4-м часу он опять гонит скот в поле и возвращается домой на ночь. И так изо дня в день, в течение целого лета, и в будни, и в праздники, и в зной, и в дождь, и в холод. Для скотника нет праздника ни летом, ни зимой, праздник отличается у него от будничных дней только тем, что в праздничные и воскресные дни он получает порцию $\frac{1}{100}$ ведра) водки перед обедом. Зимой скотник, опять-таки при помощи двух старших ребят, кормит и поит скот: встав до свету, он задает первую дачу корма; когда обутреет, бабы доят скот, после чего скотник поит скот, гоняя на водопой каждый хлев особенно. После водопоя он задает вторую дачу корма, обедает и отдыхает. Под вечер вторично поит скот и задает третью дачу корма на ночь. Ночью зимой скотник не имеет настоящего покоя, потому что, несмотря ни на мороз, ни на выюгу, он в течение ночи должен несколько раз сходить в хлевы посмотреть скот, а когда коровы начнут теляться (декабрь, январь, февраль), он должен постоянно следить за ними и всегда быть начеку, потому что его дело принять теленка и привести его в теплую избу. Старшие ребята помогают скотнику раздавать корм, и даже десятилетний Андрей работает настоящим образом, по мере своих сил: запрягает лошадь, помогает брату накладывать сено на воз; сам скотник Петр в это время вносит корм мелкому скоту, потому что для мелкого скота сено нужно выбирать, а в этом на ребят положиться нельзя, – водит лошадь и в хлевах разносит корм и закладывает его в ящики. Разумеется, Андрей, по мере сил, забирает маленькие охапки сена; но посмотрели бы вы, как он бойко ходит между коровами, как покрикивает на быка – и бык его боится, потому что у Андрея в руках кнут. Летом

Андрей носит за отцом ружье, но при случае и сам выстрелит. Раз, летом, я был в поле недалеко от стада, которое рассыпалось между кустами. Вдруг слышу выстрел. Бегу на выстрел и вижу Андрей (ему тогда только что десятый год пошел) держит в руках дымящееся ружье. «В кого ты стрелял?» – «В волка» – «Где?» – «Да вот за ровком; выскочил из моложи по ту сторону ровка, остановился на бичажку, стоит и смотрит на меня, лохматый такой, я и выстрелил». – «Как же ты стрелял?», – ружье у скотника тяжелое, длинное, одноствольное, еще с 12-го года, французское, солдатское. – «На сучок положил, да и выстрелил. Что ж? Так и подрал; да вон по полю дует». Действительно, смотря, волк несется по паровому полю.

Жена скотника, скотница Ховра, доит коров вместе с Авдотьей и подойщицами, поит телят, кормит ягнят, готовит кушанье для своего многочисленного семейства – одного хлеба сколько нужно испечь, – обмывает и обшивает детей. В этих работах ей помогает старшая дочь, Аксиута (12 лет), и младшая, Солошка (6 лет), специальная обязанность которой состоит в уходе за маленькой Ховрой, которую она качает в люльке, таскает по двору, забавляет и нянчит. Прохор (8 лет) тоже помогает по хозяйству: он рубит дрова, и так как силенки у него мало, то он целый день возится, чтобы нарубить столько дров, сколько нужно для отопления одной печки. Только Павлик и маленькая Ховра ничего не делают.

За все это скотник получает в год 60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мер ржи, 2 куля овса, $1\frac{1}{2}$ куля ячменя, держит на моем корму корову и овцу, имеет маленький огород, который дол-

жен обработать сам, получает место для посева одной мерки льна и одной осьмины картофеля, получает 2 порции водки – на себя и на жену – по воскресеньям и праздникам, получает творогу, молока снятого, скотин, сколько будет моей милости дать (этого нет в договоре). Так как скотнику на его семейство нужно не менее 11 кулей ржи в год, то ему следует прикупить еще 4 куля 2 мерки ржи, что составляет по нынешним ценам 34 рубля. Таким образом, за расходом на хлеб у него из 60 рублей жалованья остается всего 26 рублей, из коих он уплачивает за двор 20 рублей оброку (прежде, когда у него было меньше детей, он платил 40 рублей), а 6 рублей в год остается на покупку соли, постного масла, одежду.

Немного, как видите. Недорого оплачивается такой тяжелый труд, как труд скотника со всем его семейством. Из этого примера вы видите, что в нашей местности положение крестьян, получивших по 4¹/₂ десятины надела, вовсе не блестящее, потому что будь какая-нибудь возможность Петру жить на своем наделе, он, разумеется, не попал бы за такую плату в должность скотника, где ему нет покоя ни днем, ни ночью. С другой стороны, положение скотоводства у помещиков незавидное, и при теперешнем его состоянии нельзя дать большую плату скотнику, так как и при такой ничтожной плате за труд скот в убыток. То же самое можно сказать и относительно других отраслей хозяйства. Помещичье хозяйство в настоящее время ведется так плохо, даже хуже, с меньшим толком и пониманием дела, чем в крепостное время, когда были хорошие старосты-хозяева – что оно только потому еще кое-как и держится, что *цены на труд баснословно низки*. Кажется, немного получает мой скотник, а и то ему завидуют, и, откажи я ему, сейчас же найдется пятьдесят охотников занять его место.

Я всегда с удовольствием бываю в скотной избе. Мне ужасно нравится этот «детский сад», где все дети постоянно заняты, веселы, никогда не скучают, не капризничают, хотя в «саду» нет никакой «Grtnerin», которая выбивалась бы из сил, чтобы занять детей бесполезными работами и скучными сентиментальными песенками, как в петербургских детских садах, где на немецкий лад дрессируют будущих граждан земли русской.

Осмотрев все на скотном дворе, потолковав со скотником, скотницей, полюбовавшись ребятами, телятами, ягнятами, – вы не можете себе представить, как мил маленький Павлик, когда он играет на полу с ягнятами, – я возвращаюсь в дом. Авдотья, вся раскрасневшись, взволнованная, в забвении чувств, отчасти даже сердитая, хлопчет около плиты, на которой все кипит и клокочет.

– Обедать буду подавать: готово.

– Подавай.

Авдотья накрывает стол и подает обед. Подав кушанье, она стоит и в волнении ждет, что я скажу – хорошо ли. В особенности волнуется она, если подает новое какое-нибудь кушанье: в эти минуты она находится в таком же возбужденном состоянии, как ученик на экзамене, как химик, который делает сожжение какого-нибудь вновь открытого тела. Она стоит и смотрит на меня: что будет. Обыкновенно всегда бывает все очень хорошо. Авдотья наверху блаженства. Если же случится, что у меня гости, то мне даже жалко становится Авдотьи: она волнуется до такой степени, что у нее от расстройства нерв делается головная боль.

Вся жизнь Авдотьи заключается в хозяйстве, которым она заведует. Принимая все, начиная от неудавшегося масла и кончая худо вымытым чулком, к сердцу, она вечно волнуется, страдает и радуется. Скупа она до невозможности и бережет мое добро, как свое собственное. Честна безукоризненно. Откровенна, прямодушна, никогда не лжет, горда, самолюбива и вспыльчива до невероятности; она всегда была вольною, и у нее нет тех недостатков, которыми отличаются бывшие крепостные: никакого раболепства, подобиострастия, фальши, заботности, страха, приниженности. В конце обеда иногда является сюрприз – это кондитер сделал что-нибудь сладкое, «на закуску», как говорят Авдотья. С кондитером у нас в некотором роде дружба; нас сближает, как мне кажется, сходство положений, что мы оба втайне чувствуем, хотя никогда друг другу не высказывались. Весь мой хозяйственный персонал – староста, скот-

ник, лесничий, работник, хозяйка, скотница, старуха, подойщицы – из мужиков; один только кондитер Савельич из дворовых, из старинных дворовых, из природных дворовских, как говорит Авдотья. Вследствие этого Савельич, точно так же как и я, барин, пользуется особенным уважением, оказываемым «белой кости». Савельичу, точно так же как и мне, даже староста говорит «вы». Савельич сознает свою родовитость, свое превосходство по происхождению и держит себя соответственно: серьезно, строго, особняком, потому что «коли ты архиерей, то и будь архиереем». Вот, значит, первая точка сближения. Савельич человек бывалый, много жил, много видел, всего испытал, жывал при господах разных, у генерала служил, бывал и в Москве, и в Питере, царя видел. Я, барин, тоже человек бывалый, много жил, много видел, бывал в положениях разных, а главное, когда-то был военным, что особенно уважается народом: «был военным, значит, видал виды, всего попробовал, всего натерпелся – и холоду, и голоду, может, и пороли в корпусе». Это вторая точка сближения. Савельич убежден, что только он, человек бывалый, при господах служивший, понимает господское обхождение, что только он знает, что и как мне нужно. Савельич убежден, что если я разговариваю с другими, если я доволен услугами мужиков, составляющих мой хозяйственный и вместе с тем придворный штат, то только по снисходительности, вследствие моей простоты. Должен сознаться, я сам чувствую к Савельичу особенное расположение и именно вследствие сходства наших положений, сходства, Савельичу неизвестного. Я – отставной профессор; он – отставной кондитер. Вместо того, чтобы читать лекции, возиться с фенолами, крезолами, бензолами, руководить в лаборатории практикантами, я продаю и покупаю быков, дрова, лен, хлеб, вожусь с телятами и поросятами, учу Авдотью делать пикули, солить огурцы, чинить колбасы. Он, Савельич, вместо того, чтобы делать конфеты, пирожки, безе, зефиры, караулит горох, гоняет лошадей из зелени, топит печи. Масса специальных знаний, приобретенных многолетним трудом, остается без приложения как у меня, так и у него. И он, и я многое забываем, отстаем. Разница только в том, что я еще недавно бросил свою специальность и потому не все забыл, мог бы, пожалуй, еще возвратиться к старым занятиям, хотя уже чувствую, что отстаю, годика через два, думаю, все позабуду, совсем отстану, а главное, не буду в состоянии взяться за старое дело с необходимою энергией. Он же, Савельич, давно уже бросил свое кондитерское ремесло, почти все позабыл и отстал совершенно, так что нынешний молодой кондитер стал бы смеяться над его произведениями.

После обеда я курю сигару, пью пунш и мечтаю... С января, когда солнце начинает светить по-весеннему и прогревает, после обеда я выхожу в ясные дни греться на солнышке. Сидишь на крылечке на солнечной стороне и греешься. Морозец легонький, градусов в 8—10; тихо. Солнце светит ярко и прогревает. Хорошо. Нужно прожить в деревне одному октябрь, ноябрь, декабрь, – эти ужасные месяцы, когда целый день темно, никогда не видно солнца на небе, а если и проглянет, то тусклое, холодное, когда то мороз, то оттепель, то дождь, то снег, то так моросит, когда нет проезду, грязь или гряда, гололедица или ростопель, – чтобы научиться ценить хороший санный путь в декабре и первый луч солнца в январе. Вы в Петербурге и понятия об этом не имеете. Вам все равно, что ноябрь, что январь, что апрель. Самые тяжелые для нас месяцы – октябрь, ноябрь, декабрь, январь – для вас, петербуржцев, суть месяцы самой кипучей деятельности, самых усиленных удовольствий и развлечений. Вы встаете в одиннадцатом часу, пьете чай, одеваетесь, к двум часам отправляетесь в какой-нибудь департамент, комиссию, комитет, *работаете* часов до пяти, обедаете в шесть, а там – театр, вечер, вечернее заседание в какой-нибудь комиссии – время летит незаметно. А здесь, что вы будете делать целый вечер, если вы помещик, сидящий одиночкой в вашем хуторе, – крестьяне, другое дело, они живут обществами, – читать? Но что же читать?

С января уже весной потягивает. На Васильев вечер день прибавляется на куриный шаг, как говорит народ. В конце же января дня уже сильно прибавилось, и хотя морозы стоят крепкие, но солнце греет. В феврале – недаром он зовется бокогрей – после того, как зима с весной встретила на сретение, в хорошие ясные дни солнце греет так сильно, что с крыш начинает

капать. С каждым днем все ближе и ближе к весне. Март – уже весенний месяц. С Алдакей (1 марта – Евдокия) начинается весна и пойдут весенние дни: Герасим-«грачевник» (4 марта), грачи прилетят; грач – первый вестник весны, дорогая, долго ожидаемая птица. Сороки (9 марта)², день с ночью меряется, жаворонки прилетят, весну принесут. Алексей «с гор вода» (17 марта), ручейки потекут – снег погонит, ростепель начнется, на солнце греет так, что хоть полушубок снимай, а к ночи подмораживает. Дарья «обгадь проруби» (19 марта), около прорубей, где поят зимой скот, так обтает, что делается виден навоз, который скот зимой оставлял во время водопоя. Благовещение (25 марта) – весна зиму поборола. Федул (5 апреля) – теплый ветер подул. Родивон (8 апреля) – ледолом. Василий Парийский (12 апреля) – землю парит. Ирина «урви берега» (16 апреля), Егорий теплый (23 апреля) – уже со дня на день ждет лета. Но мы, посидев без свету три месяца, уже в феврале чувствуем приближение весны и оживаем. Чуть только ясный солнечный день, все оживает и стремится воспользоваться живительным солнечным лучом. В полдень, когда на утреве начинает капать с крыш, куры, утки и вся живность высыплет на двор – греться на солнце; воробьи тут же шмыгают между крупной птицей и весело чирикают; корова, выпущенная на водопой, остановится на солнце, зажмурится и греется. В хлеве все телята толкнутся против окошка, обращенного на солнечную сторону. Быки, чувствуя приближение весны, режут, сердятся, роют навоз ногами. Сидишь себе на крылечке в полушубке, подставив лицо теплым солнечным лучам, куришь, мечтаешь. Хорошо.

Погревшись на солнце, я второй раз отправляюсь по хозяйству и прежде всего захожу к «старухе». «Старуха» – старая баба лет семидесяти с хвостиком – она помнит разоренье и любит рассказывать, как бабы ухватами кололи француза, что не мешает ей, однако, относиться к французам дружелюбно, потому что, говорит она, французы народ добрый, – но еще здоровая, бодрая, энергичная, деятельная. «Старуха» – хозяйка в застольной, где обедают все люди за исключением скотника, который с семейством ведет свое хозяйство. «Старуха» печет хлебы и готовит кушанье для застольной, смотрит за свиньями, утками и курами, которые все состоят под ее командой, ухаживает за больным скотом, и каждая заболевшая на скотном дворе скотина передается на попечение «старухи», в ведении которой состоят хлевы, построенные подле застольной избы. «Старуха» же, как хозяйка в застольной, подает «кусочки».

У меня нет правильно организованной раздачи печеного хлеба нищим с веса, как это делается, или, лучше сказать, делалось, в некоторых господских домах. У меня просто в застольной старуха подает «кусочки», подобно тому, как подают кусочки в каждом крестьянском дворе, где есть хлеб – пока у крестьянина есть свой или покупной хлеб, он, до последней ковриги, подает кусочки. Я ничего не приказывал, ничего не знал об этих кусочках. «Старуха» сама решила, что «нам» следует подавать кусочки, и подает.

В нашей губернии и в урожайные годы у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, то посылают детей, стариков, старух в «кусочки» побираться по миру. В нынешнем же году у нас полнейший неурожай на все: рожь уродилась плохо и переполнена была метлой, костером, сивцом; яровое совсем пропало, так что большею частью только семена вернули; корму – вследствие неурожая яровой соломы и плохого урожая трав от бездождия – мало, а это самое трудное для крестьян, потому что при недостатке хлеба самому в миру можно еще прокормиться кое-как кусочками, а лошадь в мир побираться не пошлешь. Плохо, – так плохо, что хуже быть не может. Дети еще до Кузьмы-Демьяна (1 ноября) пошли в кусочки. Холодный Егорий (26 ноября) в нынешнем году был голодный – два Егорья в году: холодный (26 ноября) и голодный (23 апреля). Крестьяне далеко до зимнего Николы приели хлеб и начали покупать; первый куль хлеба крестьянину я продал в октябре, а мужик, ведь, известно, покупает хлеб только тогда, когда замесили последний пуд домашней муки. В конце декабря ежедневно пар до тридцати проходило собирающихся кусочками: идут и едут, дети, бабы, старики, даже здоровые ребята и молодухи. Голод не свой брат: как не поеси, так и святых продаси. Совесть молодому парню или девке,

а делать нечего, – надевает суму и идет в мир побираться. В нынешнем году пошли в кусочки не только дети, бабы, старики, старухи, молодые парни и девки, но и многие хозяева. Есть нечего дома, – понимаете ли вы это? Сегодня съели последнюю ковригу, от которой вчера подавали кусочки побирающимся, съели и пошли в мир. Хлеба нет, работы нет, каждый и рад бы работать, просто из-за хлеба работать, рад бы, да нет работы. Понимаете – нет работы. «Побирающийся кусочками» и «нищий» – это два совершенно, разных типа просящих милостыню. Нищий – это специалист; просить милостыню – это его ремесло. Он, большею частью, не имеет ни двора, ни собственности, ни хозяйства и вечно странствует с места на место, собирая хлеб, и яйца, и деньги. Нищий все собранное натурой – хлеб, яйца, муку и пр. – продает, превращает в деньги. Нищий, большею частью калека, больной, неспособный к работе человек, немощный старик, дурачок. Нищий одет в лохмотья, просит милостыню громко, иногда даже назойливо, своего ремесла не стыдится. Нищий – божий человек. Нищий по мужикам редко ходит: он трется больше около купцов и господ, ходит по городам, большим селам, ярмаркам. У нас настоящие нищие встречаются редко – взять им нечего. Совершенно иное побирающийся «кусочками». Это крестьянин из окрестностей. Предложите ему работу, и он тотчас же возьмется за нее и не будет более ходить по кусочкам. Побирающийся кусочками одет, как и всякий крестьянин, иногда даже в новом армяке, только холщовая сума через плечо; соседний же крестьянин и сумы не одевает – ему совестно, а приходится так, как будто случайно без дела зашел, как будто погреться, и хозяйка, щадя его стыдливость, подает ему незаметно, как будто невзначай, или, если в обеденное время пришел, приглашает сесть за стол; в этом отношении мужик удивительно деликатен, потому что знает, – может, и самому придется идти в кусочки. От сумы да от тюрьмы не отказывайся. Побирающийся кусочками стыдится просить и, входя в избу, перекрестившись, молча стоит у порога, проговорив обыкновенно про себя, шепотом «подайте, Христа ради». Никто не обращает внимания на вошедшего, все делают свое дело или разговаривают, смеются, как будто никто не вошел. Только хозяйка идет к столу, берет маленький кусочек хлеба, от 2 до 5 квадратных вершков, и подает. Тот крестится и уходит. Кусочки подают всем одинаковой величины – если в 2 вершка, то всем в 2 вершка; если пришли двое за раз (побирающиеся кусочками ходят большею частью парами), то хозяйка спрашивает: «вместе собираете?»; если вместе, то дает кусочек в 4 вершка; если отдельно, то режет кусочек пополам.

У побирающегося кусочками есть двор, хозяйство, лошади, коровы, овцы, у его бабы есть наряды – у него только *нет в данную минуту хлеба*, когда в будущем году у него будет хлеб, то он не только не пойдет побираться, но сам будет подавать кусочки, да и теперь, если, перебравшись с помощью собранных кусочков, он найдет работу, заработает денег и купит хлеба, то будет сам подавать кусочки. У крестьянина двор, на три души надела, есть три лошади, две коровы, семь овец, две свиньи, куры и проч. У жены его есть в сундуке запас ее собственных холстов, у невестки есть наряды, есть ее собственные деньги, у сына новый полушубок. С осени, когда еще есть запас ржи, едят вдоволь чистый хлеб и разве уже очень расчетливый хозяин ест и по осени пушной хлеб – и таких я видел. Придет нищий – подают кусочки. Но вот хозяин замечает, что «хлебы коротки». Едят поменьше, не три раза в сутки, а два, а потом один. Прибавляют к хлебу мякины. Есть деньги, осталось что-нибудь от продажи пеньки, за уплатой повинностей, – хозяин покупает хлеба. Нет денег – сбивается как-нибудь, старается достать вперед под работу, призанять. Какие проценты платят при этом, можно видеть по тому, что содержатель соседнего постоянного двора, торгующий водкой, хлебом и прочими необходимыми для мужика предметами и отпускающий эти предметы в долг, сам занимает на оборот деньги, для покупки, например, ржи целым вагоном, и платит за один месяц на пятьдесят рублей два рубля, то есть 48 %. Какой же процент берет он сам? Когда у мужика вышел весь хлеб и нечего больше есть, дети, старухи, старики надевают сумы и идут в кусочки побираться по соседним деревням. Обыкновенно на ночь маленькие дети возвращаются домой, более взрос-

лые возвращаются, когда наберут кусочков побольше. Семья питается собранными кусочками, а что не съедят, сушат в печи про запас. Хозяин между тем хлопочет, ищет работы, достает хлеба. Хозяйка кормит скот – ей от дому отлучиться нельзя; взрослые ребята готовы стать в работу чуть не из-за хлеба. Разжился хозяин хлебом, дети уже не ходят в кусочки, и хозяйка опять подает кусочки другим. Нет возможности достать хлеба, – за детьми и стариками идут бабы, молодые девушки и уже самое плохое (это бывает с одиночками), сами хозяева; случается, что во дворе остается одна только хозяйка для присмотра за скотом. Хозяин уже не идет, а едет на лошади. Такие пробираются подальше, иногда даже в Орловскую губернию. Нынче в середине зимы часто встречаем подводу, нагруженную кусочками, и на ней мужика с бабой, девкой или мальчиком. Побирающийся на лошади собирает кусочки до тех пор, пока не наберет порядочную подводу; собранные кусочки он сушит в печи, когда его пустят ночевать в деревне. Набрав кусочков, он возвращается домой, и вся семья питается собранными кусочками, а хозяин в это время работает около дома или на стороне, если представится случай. Кусочки на исходе – опять запрягают лошадь и едут побираться. Иной так всю зиму и кормится кусочками, да еще на весну запас соберет; иногда, если в доме есть запас собранных кусочков, подают из них. Весной, когда станет тепло, опять идут в кусочки дети и бродят по ближайшим деревням. Хозяевам же весной нужно работать – вот тут-то и трудно перебиться. Иначе как в долг достать негде, а весной опять повинности вноси. Станет теплее, грибы пойдут, но на одних грибах плохо работать. Хорошо еще, если только хлеба нет. Нет хлеба – в миру прокормиться можно *кое-как* до весны. С голоду никто не умирает, благодаря этой взаимопомощи кусочками. «Были худые годы, – говорила мне нынешнею осенью одна баба, у которой в октябре уже не было хлеба, – думали, все с голоду померем, а вот не померли; даст бог и нынче не померем. С голоду никто не умирает». Но вот худо, когда не только хлеба, но и корму нет для скота, как нынче. Скот в миру не прокормишь.

Вот выдержка из письма одного крестьянина к сыну, который находился в Москве на заработках (письмо сочинено самим крестьянином): «Милый сын В.И., свидетельствуем мы тебе нижайшее почтение и уведомляем мы тебя, что у нас в доме так плохо, так худо, как хуже быть не может, – нет ни корму, нет ни хлеба, словом сказать, нет ничего, сами хоть миром питаемся кое-как, а скот хоть со двора гони в чистое поле. Купить не за что, денег нет ни гроша и сам не знаю как быть». Нынешний год такая бескормица, что теперь в марте не ездят в кусочки на лошадях, как ездили в середине зимы, потому что кусочки подают, а для лошади никто клочка сена не даст. Из всего сказанного ясно, что «побирающийся кусочками» не нищий – это просто человек, у которого нет хлеба в данную минуту; ему нельзя сказать: «бог подаст», как говорят нищему, если не желают подать; ему говорят: «сами в кусочки ходим», если не могут подать; он, когда справится, сам подает, а нищий никому не подает. Не подать кусочек, когда есть хлеб, – *грех*. Поэтому и «старуха» стала подавать кусочки, не спросясь у меня, и я думаю, что если бы я запретил ей подавать кусочки, то она бы меня выбранила, да, пожалуй, и жить бы у меня не стала.

Кусочки «старуха» подает всем одинаковой величины – только солдатам (отставным, бессрочным, отпускным) старуха подает побольше, кажется, потому, что солдатам запрещается или запрещалось прежде (я этого наверно не знаю) просить милостыню.

«Старуха» командир – иначе я ее не могу назвать – в застойной избе, при которой состоят также свиньи и птицы. «Старуха» вечно возится и, кажется, даже ночью не спит. Жалостлива она до крайности и любит всякую скотину донельзя. Зато и в порядке у нее все – и куры, и утки, и свиньи. Целый день она их кормит, поит, щупает. Хотя все утки серые, но «старуха» знает каждую утку в лицо. Летом она то и дело считает цыплят и утят, путается в счете и при этом непомерно волнуется. Пропадет цыпленок или утенок – коршак³ унесет – «старуха» ищет, ищет, десятки раз пересчитывает всех птиц (а у меня их не мало – в течение прошедшего года я съел 83 цыпленка), и когда все поиски оказываются тщетными, смущенная

приходит доложить мне, что утенок пропал, плачет, что не досмотрела, и просит вычесть из жалования (она получает полтора рубля в месяц). Свиньи тоже на руках у «старухи», и она с ними тоже постоянно возится: то моет поросят, то кормит, то выгоняет на солнце, то гоняет в воду купаться. Наконец, на ее же попечении находится ребенок, родившийся у одной из подойщиц и помещающийся в люльке тут же в застойной, и с ребенком «старуха» находит время возиться, но больше муштрует мать, чтобы опрятно держала соску, почаще мыла ребенка, не слишком закачивала и т. п.

Знает «старуха», что нужно каждой птице, каждой скотине, до тонкости. Лечит она скот превосходно. Заболеет скотина – сейчас ее к «старухе». Смотришь, через неделю, две поправилась. Просто даже удивительно. И лекарств старуха никаких не употребляет, разве что иногда припарку из каких-то трав сделает или язык корове медным купоросом помажет. Обыкновенно, возьмет корову в теплую избу, в экстренных случаях даже на ночь оставляет в избе подле своей кровати, окропит святою водой из трех сел (на крещение привозят воду из трех разных сел и берегут ее круглый год; без этой воды нельзя обойтись в хозяйстве, потому что ею надо обрызгать каждого новорожденного теленка и ягненка), окурит свечкой, вымоет и начинает кормить то тем, то другим: сенца мягонького даст, хлеба печеного, овса с мякиной, овсяной муки, мучного пойла, воды чистой. Ходит за ней, приглядывает, ласкает, замечает, что корова ест – смотришь, и поправилась. Я уверен, что даже профессор Бажанов, который написал столько книг по скотоводству, не лучше умеет ухаживать за скотом, чем моя «старуха». Сам профессор, – но у нас нет профессора – специалиста по части откармливания скота, – сам профессор Грувен, который собрал все опыты относительно кормления в своем «*Kritische Darstellung aller Futterungs-Versuche*», едва ли откормит свинью, гуся или утку до такого безобразия, как «старуха». Главное, «старуха» делает все это как-то на глаз, попросту, не развешивая кормов, не рассчитывая, сколько нужно дать протеину, углеводов и проч. У меня, должен сознаться, и весов-то нет в хозяйстве, на которых можно было бы взвешивать скот и корма. Все делается на глазмер – так уже привыкли все. «Здесь 27 аршин будет», – говорит плотник; меряю, выходит 27 аршин с четвертью, – не стоит и мерить, потому что четверть не имеет значения. Скотник и скотница думают, что «старуха» «знает», то есть, что она умеет ворожить; но это вздор. «Старуха» просто-напросто, как говорят мужики, «понимает около скота», она до тонкости знает его природу, любит скот, обладает громадною опытностью, потому что пятьдесят лет жила между коровами, овцами, свиньями, курами. «Старуха» лечит скот чистым воздухом, солнечным светом, подходящим кормом, мягкой подстилкой, внимательным уходом, лаской; изучает индивидуальность каждой скотины и сообразно этому ставит ее в те или другие гигиенические условия, кормит тем или другим кормом. Я так верю в знания «старухи», что если она сказала: «бог даст, пройдет», я совершенно убежден, что скотина поправится. «Старухе» я поверю скорее, чем ветеринару, который думает, что его лекарства суть специфические средства против болезней.

Иногда я захожу к «старухе» – она это любит. «Старуха» сообщает мне свои радости – такая-то курица нестись начала, больная корова, господь с ней, поправляется, – и горести – утке ногу отдавили, котенок что-то сучен – и ведет в хлевки показать свиней, гусей, уток. У «старухи» всегда все в порядке – в хлевах постлано, посуда чиста, свиньи, бог с ними, растут хорошо.

Осмотрев все у «старухи», я второй раз иду на скотный двор. Скот напоили второй раз и задают корм на ночь. Смотрю, хорошо ли съедена вторая дача, как принимается скот за вечернюю дачу. Смотрю, как поят телят, доят коров.

Вечереет. Я возвращаюсь домой пить чай. Приготовить самовар к моему приходу – дело Савельича, потому что Авдотья в это время под коровами. До сих пор не было случая, чтобы кондитер запоздал с самоваром. Вхожу в кухню – самовар кипит. Это Савельич порадел.

Во время вечернего чаепития у меня доклад. Прежде всего является Авдотья и докладывает, сколько надоили молока, в каком положении коровы и телята, какие коровы причиняют, какие поназначились, каков у той или другой коровы причин и пр., и пр. Так как делать зимой вечером нечего, то доклад бывает продолжительный, подробный и обстоятельный. После Авдотьи является с докладом Иван и сообщает, что сделано сегодня по хозяйству, что будет делаться завтра. С ним мы толкуем ежедневно подолгу: советуемся о настоящем, обсуждаем прошедшее, делаем предположения о будущем. Он же сообщает мне все деревенские новости.

– Сегодня, А.Н., суд в деревне был.

– По какому случаю?

– Василий вчера Ефёрову жену Хворосью избил чуть не до смерти.

– За что?

– Да за Петра. Мужики в деревне давно уже замечают, что Петр (Петр, крестьянин из чужой деревни, работает у нас на мельнице) за Хворосьей ходит. Хотели все подловить, да не удавалось, а сегодня поймали. (Мужики смотрят за бабами своей деревни, чтобы не баловались с чужими ребятами; со своими однодеревенцами ничего – это дело мужа, а с чужими – не смей.) А все Иван. Заметили в обед, что Петра в кабаке нет и Хворосьи нет. Догадались, что должно быть у Мореича в избе – того дома нет, одна старуха. Нагрянули всем миром к Мореичу. Заперто. Постучали – старуха отперла, Хворосья у ней сидит, а больше никого. Однако Иван нашел. Из-под лавки Петра вытащил. Обсмеяли.

– Что же муж, Ефёр?

– Ничего. Ефёра Петр водкой поит. А вот Василий взбеленился.

– Да Василью-то что?

– Как что? Да ведь он давно с Хворосьей живет, а она теперь Петра прихватила. Под вечер Василий подкараулил Хворосью, как та по воду пошла, выскочил из-за угла с поленом, да и ну ее возить; уж он ее бил, бил, смертным боем бил. Если бы бабы не услышали, до смерти убил бы. Замертво домой принесли, почернела даже вся. Теперь на печке лежит, повернуться не может.

– Чем же кончилось?

– Сегодня мир собирался к Ефёру. Судили. Присудили, чтобы Василий Ефёру десять рублей заплатил, работницу к Ефёру поставил, пока Хворосья оправится, а миру за суд полведра водки. При мне и водку выпили.

– А что ж Хворосья?

– Ничего, на печке лежит, охает. Еще Листара побили. Листар, выпивши, над Кузей куражиться стал. Панас ему и говорит: что ты куражишься? Листар и похвалился: отчего мне не куражиться, – я ни царю, ни пану не виноват. А! говорит Панас, так ты с меня панские деньги взыскивать хочешь! Бац его в рыло. Кузя тут ввязался, Ефёр, Михалка – все на Листара навалились; уж они его били, били, – а Михалка все приговаривает: не ходи к чужой жене, не ходи – в кровь избili. Я им говорю: что это вы, ребята, все на одного. Так ему, говорят, и надо: мы знаем, говорят, за что бьем.

Иван ушел, чаепитие кончилось. Скучно. Сижу один и читаю романы Дюма, которыми меня снабдил один соседний помещик. Авдотья, Иван, Савельич, напившись чаю, собираются идти ужинать. «Мы ужинать пойдем, – говорит Авдотья, вошедшая убирать постель, – а я вам ужин поставила в столовой». Люди ушли в застольную. Я иду в столовую. Кошки, зная, что я дам им за ужином лакомый кусочек, бегут за мной. У меня две кошки – большой черно-белый кот и черно-желто-белая кошечка; такую кошечку национального цвета я завел для опыта. Говорят, что только кошки бывают черно-желто-белого цвета и что котов такого цвета никогда не бывает; говорят, что когда народится кот черно-желто-белого цвета, то значит скоро светопреставление. Я хочу посмотреть, правда ли это. Первый признак близости светопреставления – это, как известно, появление большого числа нытиков, то есть, людей, которые все ноют; вто-

рой – рождение черно-желто-белого кота. После «Положения» появилось множество нытиков. Хочу посмотреть, не народится ли черно-желто-белый кот.

Кошки у меня приучены так, что когда я сажусь ужинать, то они вспрыгивают на стулья, стоящие кругом стола, за которым я ужинаю: одна садится по правую сторону меня, другая – по левую. Выпив водки, я ужинаю и во время ужина учу кошек терпению и благонравию, чтобы они сидели чинно, не клали лапок на стол, дожидались, пока большие возьмут, и т. п.

А на дворе выюга, метель, такая погода, про которую говорят: «хоть три дня не есть, да с печки не лезть». Ветер воет, слышен наводящий тоску отрывистый лай Лыски: «гау», «гау», через полминуты опять «гау», «гау», и так до бесконечности. Волки, значит, близко бродят.

Пужинав, я ложусь спать и мечтаю...¹

---

¹ Первое письмо А.Н. Появилось в 1872 году в «Отечественных записках», которые редактировал тогда Некрасов. Вот что говорил покойный Сергей Терпигорев о впечатлении, которое произвело это «Письмо»: «На него тогда же все обратили внимание. С ним одни соглашались, другие нет, но его читали все, всех оно волновало, как это бывало с произведением из ряда вон. Ждали следующего письма «Из деревни», но дождались его только в следующем году. С тех пор – одиннадцать лет – в одной из последних книжек «Отеч. зап.» каждого года являлось письмо «Из деревни», с которого обыкновенно и начиналось чтение этой книжки журнала... «Из деревни» должна сделаться настольной книгой каждого образованного человека... Ее обязательно должны прочитать в России все – от студента до министра» (см. «Золотая книга», «Новое время» № 2321, 1882 г.). – *Примеч. Н. Энгельгардта.*

Письмо второе

Деревенские интересы. – Зачем мужик идет к барину. – Костик – специалист,, охотник и вор. – Пьяница ли мужик. – На благовещенье воры заворовывают. – Кулак Матов. – Суд над Костином. – Случаи и слухи. – Насчет леченья. – Пушиной хлеб. – Девка умрет – расходу меньше – Организация медицинской помощи в деревнях. – «Попы». – Их доходы. – На станции. – На съезде. – Удобства нового судопроизводства.

Я описал вам мой зимний день. Утром чаепитие, потом прогулка на скотный двор, обед, прогулка к «старухе» и на скотный двор, вечернее чаепитие и доклад, ужин...

И так изо дня в день...

С утра до ночи голова наполнена хозяйственными соображениями. Интересов, кроме хозяйственных, никаких. Как? скажете вы. Как никаких интересов! А дворянские дела, земские дела, деятельность новых судебных учреждений, наконец, политика?!

Никаких-с. Позвольте. Во-первых, я не желаю служить – я исключительно посвятил себя хозяйству и посредством хозяйства желаю зарабатывать средства для своего существования – и потому службы по земству, мировым или дворянским учреждениям не ищу. Ни в председатели управы, ни в предводители, ни в мировые, ни даже в члены опеки я не мечу. Если раз я не желаю заполучить местечко, какое же мне дело до земства, мировых и дворянских учреждений? Какое мне дело? Ведь я, повторяю, ни в какие должности не мечу. Во-вторых, я живу в деревне, в городе никогда не бываю, следовательно, о земстве, которое находится в городе, ничего не знаю. А можно ли интересоваться тем, о чем ничего не знаешь? Как ничего не знаете? – скажете вы, – да ведь окладной лист получаете? Получаю – ну так что ж?

Политика? – Но позвольте вас спросить, какое нам здесь дело до того, кто император во Франции: Тьер, Наполеон или Бисмарк?

Разумеется, не каждый день проходит совершенно одинаково. Случается, придет кто-нибудь; но, разумеется, по делу, и всегда по одному и тому же. «Мужик пришел из Починка», – докладывает Авдотья. Я иду и кухню. Мужик кланяется и говорит:

– Здравствуйте, А.Н.

– Здравствуй. Что? хлеба?

– Ржицы бы нужно.

– Куль?

– Кулик бы.

– Восемь рублей.

– Подешевле нельзя ль?

– Нет, дешевле нельзя. Позаднюю бери без полтины.

– Да что уж позадняя. Хорошей возьму. Извольте деньги.

Мужик достает восемь засаленных билетиков – у мужиков все

больше билетики (рублевые бумажки), тройки и пятерки тоже бывают, красный билет (10 руб.) редкость, четвертной (25 руб.) еще реже, а билет (100 руб.) бывает только у артелей – и идет со старостой в амбар получать хлеб.

– Мужик пришел из Дядина, – докладывает Авдотья.

Иду в кухню.

– Здравствуйте, А.Н.

– Здравствуй. Что? хлеба?

– Хлебца бы нужно.

– Осьмину?

– Да хоть осьминку бы.

- Четыре рубля.
- Денег нет. Отпустите под работу. Кустиков нет ли почистить.
- Кустиков нет. Работы все сданы, только полдесятины льну не сдано.
- Знаю. Мы ленку бы взяли.
- Нельзя. Ты один с женой и дочкой, у тебя только пара лошадей. Не сделаешь.
- Да оно точно что пара.
- Нельзя. Не сделаешь. Лен, сам знаешь, много работы ко вре-мю требует.
- Да уж сделаем. Взявшись, нельзя не сделать. Свои работы бросим, а по договору сделаем. У соседа лошадей прихвачу. Только бы теперь перебиться.
- Нет, нельзя. Не сделаешь. Тебе лен не под силу. Да и живешь далеко – за семь верст. Ищи тебя тогда. Нельзя, не сподручно.
- Оно точно не сподручно. Трудно со льном одиночке. Точно – не сделаешь. Дело-то плохо. Хлеба нет, а в кусочки идти не хочется. А тут скот продать грозятся за недоимку. Что ты будешь делать!

Мужик уходит пытаться счастья в другом месте.

«Панас пришел из Бардина», – докладывает Авдотья.

Иду в кухню.

Этот уже и здравствуй не говорит, а начинает прямо.

– А.Н., дай хлеба хоть пудик – есть нечего.

– Да ведь за тобой и без того долгу много.

– Отдам. Ей-богу отдам. Сам знаешь, отдам. Дай, А.Н. Есть нечего. Жена с девочкой в кусочки пошли, много ли они выходят – старуха да девочка – разве что сами прокормятся. Сноха дома – скот убирает. Мы с сыном дрова возим. Ей-богу, сегодня, что было мучицы, последнюю замесили. Дай, А.Н. Оправлюсь, отдам. Овцу бы продал – хозяйство свести не хочется. Может, как и перебыюсь, а там, даст бог, и хлебушка уродится.

– Ну, хорошо. Меру дам.

Панас доволен. Теперь он на несколько дней обеспечен, а там, может, жена с девочкой кусочков принесут, а там... Но мужик без хлеба не думает о далеком будущем, потому что голодный, как мне кажется, только и может думать о том, как бы сегодня поесть.

И так каждый день. Приходит мужик: работы дай, хлеба дай, денег дай, дров дай. Нынешний год, конечно, не в пример, потому что неурожай и бескормица, но и в хорошие года к весне мужику плохо, потому что хлеба не хватает. А тут еще дрова, с проведением железной дороги, дорожают непомерно – в три года цена на дрова упятилась, а дров ведь у мужика в наделе нет. Лугов у мужика тоже в наделе нет, или очень мало, так что и относительно покоса, и относительно выгона он в зависимости от помещика. Работы здесь около дома тоже нет, потому что помещики после «Положения» опустили хозяйства, запустили поля и луга и убежали на службу (благо, теперь мест много открылось и жалованье дают непомерно большое), кто куда мог: кто в государственную, кто в земскую. Попробуйте-ка заработать на хозяйстве 1000 рублей в год за свой труд (не считая процентов на капитал и ренты на землю)! Тут нужна, во-первых, голова да и голова, во-вторых, нужно работать с утра до вечера – не то, что отбывать службу – да еще как! Чуть не сообразил что-нибудь – у тебя рубль из кармана и вон. А между тем, тысячу рублей, ведь, дают каждому – и председателю управы, и посреднику. Понятно, что все, кто не может управиться со своими имениями, – а ведь теперь не то что прежде: недостаточно уметь только «спрашивать», – побросали хозяйство и убежали на службу. Да что говорить: попробуйте-ка, пусть профессор земледелия или скотоводства, получающий 2400 рублей жалованья, зарабатывает такие деньги на хозяйстве; пусть инспектор сельского хозяйства зарабатывает на хозяйстве хотя половину получаемого им жалованья. Помещики хозяйством не занимаются, хозяйства свои побросали, в имениях не живут. Что же остается делать мужику? Работы нет около дома;

остается бросить хозяйство и идти на заработки туда, где скопились на службе помещики – в города. Так мужики и делают...

Пришел мужик – значит, хлеба или работы просит. У меня есть только один знакомый мужик, который никогда ни хлеба, ни дров не просит – если и просит иногда, то порошок, но, впрочем, всегда предлагает за порох деньги; с этим мужиком мы никогда не говорим о хозяйстве, которое его нисколько не интересует.

Мужик этот – зовут его Костик – специалист. Он охотник и вор. Он занимается охотой и воровством. Охотится он преимущественно на волков и лисиц – ловит капканами и отравляет. Весной стреляет тетеревей и уток, собирает для меня кости (для удобрения), исполняет разные поручения – что прикажешь – ток тетеревиный высмотрит и т. п. Воровством занимается во всякое время года. Воруется что попало и где попало. У Костики есть двор, есть надел; нынче, впрочем, он двора лишился, потому что последнюю кобылу продал и сено продал. Он пашет, косит, даже берет иногда на обработку полкружка (не у меня, конечно, а у какой-нибудь помещицы), но хозяин он плохой. Так все больше перебивается. Костик пьяница, но не такой, как бывают в городах пьяницы из фабричных, чиновников, или в деревнях – из помещиков, поповских, дворовых, пьяницы, пропившие ум, совесть и потерявшие образ человеческий. Костик любит выпить, погулять; он настолько же пьяница, насколько и те, которые, налюбовавшись на Шнейдершу, ужинают и пьют у Дюссо. Вообще нужно заметить, что между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видал. При случае мужики, бабы, девки, даже дети пьют, шпарко пьют, даже пьяные напиваются (я говорю «даже», потому что мужику много нужно, чтобы напиться пьяным – два стакана водки бабе нипочем), но это не пьяница. Ведь и мы тоже пьем – посмотрите у Елисеева, Эрбера, Дюссо и т. п. – но ведь это еще не отпетое пьянство. Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидел в наших деревнях. Конечно, пьют при случае – святая, никольщина, покровщина, свадьбы, крестины, похороны, но не больше, чем пьем при случае и мы. Мне случилось бывать и на крестьянских сходках, и на съездах избирателей-землевладельцев – право, не могу сказать, где больше пьют. Числом полштофов крестьяне, пожалуй, больше выпьют, но необходимо принять в расчет, что мужику выпить полштоф нипочем – галдеть только начнет и больше ничего. Проспится и опять за соху. Я совершенно убежден, что разные меры против пьянства – чтобы на мельнице не было кабака, чтобы кабак отстоял от волостного правления на известное число сажен (экая штука мужику пройти несколько сажен – я вот за 15 верст на станцию езжу, чтобы выпить пива, которого нет в деревне) и пр., и пр. – суть меры ненужные, стеснительные и бесполезные. Все, что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов. Повторяю, мужик, даже и отпетый пьяница – что весьма редко – пьющий иногда по несколько дней без просыпу, не имеет того ужасного вида пьяниц, ведущих праздную и сидячую комнатную жизнь, пьяниц, с отеком лицом, дрожащими руками, блуждающими глазами, помраченным рассудком. Такие пьяницы, которых встречаем между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, помещиками, опившимися и опустившимися до последней степени, между крестьянами – людьми, находящимися в работе и движении на воздухе, – весьма редки, и я еще ни одного здесь такого не видал, хотя, не отрицаю, при случае крестьяне пьют шпарко. Я часто угощаю крестьян водкой, даю водки помногу, но никогда ничего худого не видел. Выпьют, повеселеют, песни запоют, иной, может, и завалится, поделится иногда, положительно говорю, ничем не хуже, как если и мы закутим у Эрбера. Например, в зажин ржи я даю вечером жнеям по два стакана водки – хозяйственный расчет: жней должно являться по 4 на десятину (плата от десятины), но придет по 2, по 3 (не штрафовать же их); если же есть угощение, то придет по

б и отхватывают половину поля в один день – и ничего. Выпьют по два стакана подряд (чтобы скорей в голову ударило), закусят, запоют песни и веселые разойдутся по деревням, пошумят, конечно, полюбезнее будут с своими парнями (а у Эрбера разве не так), а на завтра опять, как роса обсохнет, на работу, как ни в чем ни бывало.

Я уже сказал, что Костик занимается охотой. Мы с ним по этому случаю и познакомились. Сошлись мы с ним потому, что это был первый человек, от которого я услышал в деревне химическое слово. Вскоре после моего приезда в деревню, – когда дрова, хлеб, навоз еще не вытеснили из моей головы крезол, нитрофенол, антрацен и т. п., – Костик принес мне продавать зайца и просил – мы разговорились с ним об охоте, – чтобы я ему достал для отравы лисиц «стрихнины», которая, по его словам, действует отлично. Не скрою, слышать слово «стрихнин» мне, привыкшему толковать о дифениламинах, летицинах и т. п., было чрезвычайно приятно, точно родное слово услышал на чужбине. Мне кажется, что слово «стрихнин» было причиной, почему я тотчас почувствовал к Костику особенное расположение, выразившееся, разумеется, угощением водкой не в счет платы за зайца. Потом Костик стал носить мне тетеревей, уток, рябцов, весной собирал для меня кости, – кости он, однако, не носил сам, а присылал с мальчиком, потому что хозяину неловко, неприлично продавать такой пустой товар, – дрова мне рубил перед святой, чтобы заработать на несколько полуштофов к празднику.

Я сказал уже, что, кроме охоты, Костик занимается еще воровством. Он плут и вор, но не злостный вор, а добродушный, хороший. Он сплутует, смошенничает, обведет, если можно, – на то и шука в море, чтобы карась не дремал, – но сплутует добродушно. Он украдет, если плохо лежит, – не клади плохо, не вводи вора в соблазн, – но больше по случаю, без задуманной наперед цели, потому что нельзя назвать обдуманным воровство при случае. Костик всегда готов украсть, если есть случай, если что-нибудь плохо лежит: мужик зазевался, Костик у него из-за пояса топор вытащит и тотчас пропьет, да еще угостит обокраденного. Попадется – отдаст украденное или заплатит; шею ему наколотят, поймав в воровстве, – не обидится. Мне кажется, что Костик любит самый процесс воровства, любит хорошенько обделать дельце.

В нынешнем году Костику, однако, не посчастливилось в воровстве – должно быть, не удалось ничего украсть в благовещение. Известно, что на благовещение вору заворовывают для счастья на весь год, подобно тому, как на Бориса (2 мая) барышники плутуют, чтобы весь год торговать с барышом. Нынче Костик попался в порядочном воровстве, так что и кобылы последней решился; не знаю уж, как он теперь будет хозяйничать.

Раз осенью иду я на молотьбу, вдруг смотрю – Матов верхом скачет. Матов – мещанин-кулак, все покупающий и продающий, содержатель постоянного двора верстах в шести от меня. Завидев меня, Матов, который было уже проскакал мимо моего дома, остановился и соскочил с лошади.

- Здравствуй, барин.
- Здравствуй, Василий Иванович. Что?
- К тебе, барин. Бычки, говорил ты, продажные есть.
- Есть.
- Пойдем, покажи.
- Пойдем.

Мы пошли на скотный двор. Ну, думаю, не за бычками ты, брат, приехал, потому что если мещанин или мелкий купец приехал за делом, то он никогда не начнет прямо говорить о том деле, за которым приехал. Например, приехал мещанин. Входит, крестится, кланяется, останавливается у порога, не садится, несмотря на приглашение (мелкий, значит, торгаш), и, поздоровавшись, говорит:

- Поторговаться не будет ли чем с милостью вашей?
- Что покупаете?
- Ленку нет ли продажного?

- Есть.
- А как цена будет милости вашей?
- Три.
- Нет-с. Таких цен нету. Прикажите посмотреть.
- Извольте.

Мещанин отпрапляется со старостой или Авдотьей в амбар смотреть лен и возвращается через несколько времени.

- Ленок не совсем-с, коротенок. Без четвертака два можно дать-с.

Начинается торг. Покупатель хаёт лен, говорит, что лен короткий,

тонок, не чисто смят, перележался, цветом не выходит, прибавляет то пяти копеек – два без двадцати, два без пятнадцати, два без гривенника, догоняет до двух. Я хвалю лен и поне-многу опускаю до двух с полтиной. Если отдам за два, то мещанин купит лен, хотя вообще льном не занимается. Но почему же не купить, если дешево: он даёт небольшой задаток и тот-час же перепродает лен настоящему покупателю. Торгуя лен, мещанин мимоходом замечает:

- Кожицу и опоек я у вас в амбаре видел. Не изволите-ль продать?
- Купите. Четыре рубля.
- Нет-с. Столько денег нет. Кожица плоховата. Третьячка. Три рублика извольте.
- Чем же плоховата? Резаная.
- Это мы видели-с, что резаная. Три десять извольте.

Начинается торг. Купец торгует лен и кожи, наконец, покупает кожу и опоек за три с полтиной.

Он приезжал за кожами.

Не за быками, думаю, приехал Матов; но не показать быка нельзя. Идем на скотный двор. Выгоняют быка. Матов смотрит его, щупает, точно и в самом деле купить хочет. Я прошу за быка пятьдесят рублей; он даёт пятнадцать, между тем как одна кожа стоит восемь. Нечего и толковать. Бык ему, очевидно, не нужен. Возвращаемся домой.

- Продай ты мне, барин, два кулика ячменя.
- Не могу.
- Сделай милость, продай. Свиней подкормить нечем.
- Не могу, самому нужен.
- Ну, прощай.
- Прощай.

Матов отвязывает лошадь и, заноса ногу в стремя, обращается ко мне.

- Совсем заморился сегодня.
- Что так? Да откуда ты это едешь, – ишь лошадь как загонял.
- По делу езжу, вора ищу; у меня третьеводни четыре верха (кожа с салом) украли.
- На кого ж думаешь?

– Мужик тут есть в Бабине, Костиком зовут, – ты его не знаешь. На него думаю. Он у меня третьего дня вечером был, когда кожи пропали, а теперь вот уж две ночи дома не ночует. Пьянствует где-нибудь. Я все кабаки, кажись, объездил, – нет нигде.

- Костик? Знаю, да он сегодня у меня был.
- Костик? В какое время был?
- Да вот недавно был: пороху заходил просить.
- Пороху? Ах, он с... Ну, да теперь он недалеко должен быть – наверно, в дубовском кабаке.

Матов вскочил на лошадь и поскакал в Дубово. «Ну, думаю, этот поймаёт». Я пошел на молотбу и рассказал Ивану о встрече с Матовым.

- Это Костик украл.
- Почем ты знаешь?

– Да он сегодня сюда заходил ко мне на ток. Зарядов просил у меня. Я ему говорю, что у нас у самих порошу мало. Пристаёт, продай, говорит, по гривеннику за заряд дам. А я, смеясь, и говорю: «Да ведь у тебя денег нет». «Есть», – говорит. – «Ан ну, покажи». Показывает: действительно – три билетика. «Вот, – говорю рабочим, – поспорь с ним, что у него в кармане денег нет. При всех деньги показал. Наверно, он кожи у Матова украл и уже где-нибудь продал. Откуда у него могут быть деньги!».

– Это костиково дело, – проговорил один из рабочих, – мы с Евменом его вчера рано утром встретили, когда на молотьбу шли. Смотрим, идет Костик и что-то несет за спиной, я еще пощупал, – мягкое что-то. «Что ты это несешь?» – спрашиваем. – «Вещи, – говорит, – нанялся со станции донести в Иваново». А это он кожи, значит, нес – в Слитье продал. Вот откуда у него деньги. Поймает же его теперь Матов, наверно в Дубове пьянствует.

Матов Костика поймал и пожаловался волостному. Через несколько времени моего старосту, гуменщика и рабочих вызвали свидетелями в волость. Был суд над Костилом. Костик сначала запирался, но ввиду явных улик сознался, что украл у Матова четыре кожи, из коих две спрятал в лесу, а две продал содержателю постоялого двора. Матов и Костик помирились на том, как мне рассказывали, что Костик должен возратить спрятанные в лесу кожи и заплатить за две другие, им проданные. Костик же заплатил и свидетелям, – кажется, угостил их водкой.

Недавно, проездом на станцию, я зашел в кабачок Матова выпить водки. Смотрю, Костик, пьяненький, веселый, самым дружелюбным образом беседует с Матовым, который тоже пропустил одну, другую.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, А.Н. Здравствуйте, барин, – заговорил Костик, обрадованный встречей со мной.

– Здравствуй, Костик, что ты тут делаешь?

– А вот барышки запиваем: кобылку Василию Ивановичу продал.

– За кожи, значит, рассчитались?

– Нет, за кожи прежде рассчитались, – проговорил Матов, – а теперь кобылку на деньги купил. Пожалуйте. Фимья, дай бараночка закусить.

– Хозяину начинать.

Матов налил стаканчик водки, перекрестился, дунул в стакан (чтобы отогнать беса, который сидит в водке), проговорил: «будьте здоровы», отпил глоток и, наполнив стакан вровень с краем, подал мне с поклоном.

– Ну, будьте здоровы.

Костик стал мне рассказывать про свои неудачи на охоте за лисицами в нынешнем году и в особенности жаловался на то, что ему не удалось нынче взять ни одной из отравленных лисиц. А все от того, что «стрихнины» у него нет.

Не правда ли, прелестно? Просто, главное. Практично.

У Матова украли кожи. Он прежде всего раскидывает умом, кто бы мог украсть. Как содержатель кабака и постоялого двора, скупающий по деревням все, что ему подходит, – и семя, и кожи, и пеньку, и очески, – он знает на двадцать верст в округе каждого мужика до тонкости, знает всех воров. Сообразив все обстоятельства дела и заподозрив Костика, он, не говоря никому ни слова, следит за ним и узнает, что Костик пропал из дому. Подозрение превращается в уверенность. «Это он», – говорит Матов и скачет по кабакам разузнать, где проданы кожи и где пьянствует Костик. Попадает случайно на меня, – ехал мимо, случайно увидел, отчего же не спросить, – находит важных свидетелей, которые видели у Костика деньги (а всем известно, что у Костика денег быть не может), которые видели Костика с ношей. Заручившись свидетелями, обещав им, что дела далее волости не поведет, свидетелей по судам таскать не будет, и получив, таким образом, уверенность, что Костику не отвертеться, Матов жалуется в волость. Вызывают в волость Матова, Костика, свидетелей – в волость свидетелям

сходить недалеко и от работы их не отрывали, потому что суд был вечером. Свидетели уличают Костика, и тот, видя, что нельзя отвертеться, сознается. Дело кончается примирением, и все довольны. Матов получил обратно кожи, которые Костик не успел продать, наверно вдвое получил за проданные кожи, да еще, пожалуй, стянул что-нибудь с содержателя постоянного двора, который купил у Костика краденые кожи. Свидетелям Костик или заплатил, или поставил водки, а главное, их не таскали по судам, сходить же в волость, да и то вечером или в праздник (волостной ведь тоже мужик, и знает, что в будни днем работать нужно), свидетелям нипочем. Костик доволен, потому что раз воровство открыто, ему выгоднее заплатить за украденное, чем сидеть в остроге. Мы довольны, потому что если бы Костик посидел в остроге, то из мелкого воришки сделался бы крупным вором.

Совсем другое вышло бы, если бы Матов вместо того, чтобы самому разыскивать вора, принес жалобу в полицию, как делают большей частью помещики и в особенности помещицы. Приехал бы становой, составил бы акт, сделал дознание, тем бы, по всей вероятности, дело и кончилось. Какие же у станового с несколькими сотскими средства открывать подобные воровства? Да если бы у станового было не 24, а 100 часов в сутки, и он бы обладал способностью вовсе не спать, то и тогда ему не было бы возможности раскрывать бесчисленное множество подобных мелких краж. Становому впору только повинности с помещиков собрать: пишет-пишет, с сотскими наказывает, сам приезжает...

Положим, помещики вызывают станового, обыкновенно ничего не разузнав о краже, и не представляют никаких данных, даже и подозрения основательного высказать не могут; но Матов, казалось бы, разузнав все предварительно и имея свидетелей, мог бы принести жалобу мировому и вообще куда следует. Как бы не так. Матов, как человек практический и сам судов боящийся, очень хорошо знает, что если бы свидетели только знали, что Матов будет судиться с Костиком и таскать их, свидетелей, по судам, так они бы притаились и ничего бы не сказали. В самом деле, представьте себе, что если бы, вследствие жалобы Матова, свидетелей, то есть старосту, гуменщика и работников потребовали куда-нибудь за 30 верст к становому, мировому или на съезд – благодарили ли бы они Матова? Вы представьте себе положение хозяина: старосту, у которого на руках все хозяйство, гуменщика, без которого не может идти молотьба, и рабочих потребуют свидетелями! Все работы должны остановиться, все хозяйство должно остаться без присмотра, да в это время, пока они будут свидетельствовать, не только обмолотить, но просто увезти хлеб с гумна могут. Да и кто станет держать такого старосту или скотника, который не знает мудрого правила: «нашел – молчи, потерял – молчи, увидал – молчи, услышал – молчи», который не умеет молчать, болтает лишнее, вмешивается в чужие дела, которого будут таскать свидетелем к мировому, на мировой съезд или в окружной суд. Вы поймите только, что значит для хозяина, если у него хотя на один день возьмут старосту или скотника. Вы поймите только, что значит, если мужика оторвут от работы в такое время, когда за день нельзя взять и пять рублей: поезжай свидетелем и оставь ниву незасеянную вовремя. Да если даже и не рабочее время, – очень приятно отправляться в качестве свидетеля за 25 верст, по 25-градусному морозу, или, идя в город на мировой съезд свидетелем, побираться христовым именем. Прибавьте к этому, что мужик боится суда и все думает, как бы его, свидетеля, храни бог, не засадили в острог или не отпороли. Матов ни за что не открыл бы воровства, если бы свидетели не знали Матова за человека практического, который по судам таскаться не станет. Да и какая польза была бы Матову судиться с Костиком? Посадили бы Костика в острог, – а Матову что? Кожи так бы и пропали. Костик на суде во всем заперся бы и кожи, разумеется, не отдал бы, и кому их продал – не сказал бы. Матов остался бы ни при чем, в глазах же крестьян сильно бы потерял, что неблагоприятно отозвалось бы на его торговых делах. Не лучше ли кончить все полюбовно, по-божески?

У нас, к счастью, много дел кончается таким образом. Позвольте рассказать еще другой случай. Содержатель соседнего кабака должен был куда-то уехать вместе с женой. Уезжая, он

запер каморку, где стояла бочка водки, и поручил смотреть за кабаком своему работнику, которому оставил четверть водки для продажи. Вечером в кабак зашли мужики, однодеревенцы работника, взяли водки, выпили и угостили работника. Закутили. Пили, пили; водки, оставленной на продажу, наконец, не хватило, а выпить хочется. Ночью работник с двумя товарищами – пьяные, разумеется, – решились украсть водки из бочонка, запертого в каморке. Выломали топором две доски в перегородке, достали из каморки водки и баранок, заделали взлом – и ну кутить. Приезжает через несколько дней содержатель кабака и открывает воровство. Воровство со взломом, совершенное лицом, которому поручено хранение имущества, ночью, при содействии других лиц, – ведь это окружным судом и острогом пахнет. Дело, однако, окончилось благополучно: помирились на том, что работник и его товарищи обязались уплатить содержателю кабака за украденную водку вдвое.

И я, и сам содержатель кабака, и соседи-мужики – все знают, что работник, совершивший воровство со взломом, человек превосходный, каких редко, пречестнейший и добрейший человек, но любит выпить, а выпивши, хочет еще выпить, и, чтобы достать водки, готов на воровство водки, но не чего-нибудь другого. Дело кончилось миром, и работник до сих пор живет *у того же содержателя кабака*; а пойдя содержатель в суд, то ведь работника засадили бы, пожалуй, в острог. Конечно, присяжные могли бы и оправдать, но пока еще они оправдают, придется, может год сидеть в остроге, а для мужика нет ничего ужаснее острога.

«Случаи», нарушающие нашу хозяйственную тишину и заставляющие нас думать и говорить о другом, весьма редки, хотя от скуки мы рады всякому случаю. Я говорил выше, что мужики ходят обыкновенно с просьбой о работе, хлебе и дровах, но есть еще предмет, о котором тоже часто приходят просить, – это лекарства. Чуть кто-нибудь заболел на деревне, идут ко мне за лекарством. Хотя я не лечу и толку в лечении не понимаю, но все-таки обращаются ко мне с просьбой дать лекарства. Ты, говорят, человек грамотный, ученый, все больше нашего понимаешь – дай что-нибудь.

И я даю: касторовое масло, английскую соль, березовку, перцовку, чай, – что случится. Помогает.

Прошедшим летом распространился слух, что у нас будет холера. Пришел от начальства приказ, чтобы в каждой деревне выбрали избу, вымыли ее, вычистили и содержали в порядке для того, чтобы помещать в нее холерных больных, – всем этим мы обязаны, кажется, деятельности нашего земства. Мужики собрались на сходку, выбрали избу, выгнали баб ее вычистить и вымыть, но холеры, к счастью, не было, и изба простояла целое лето пустая. Заболевали поносом, гнетухой, – лето было сухое, без дождинки, работа шла сильная, харчи плохие, – многие переболели животами, но никто не умер. Приходили ко мне: тому дам стакан пуншу, тому касторового масла, тому истертого в порошок и смешанного, с мелким сахаром чаю – помогало.

Насчет леченья, в случае болезни, в деревне очень плохо не только крестьянину, но и небогатому помещику. Доктор есть в городе, за 30 верст. Заболели вы, – извольте посылать в город. Нужно послать а город на тройке или, по крайней мере, на паре, в приличном экипаже, с кучером. Привезли доктора; за визит ему нужно дать 15 рублей и уже мало – 10 рублей. Нужно отвезти доктора в город и привезти лекарство. Сосчитайте все – сколько это составит, а главное, нужно иметь экипаж, лошадей, кучера. Но ведь в случае серьезной болезни одного визита мало. Очевидно, что доктор теперь доступен только богатым помещикам, которые живут по-старопомещичьи, имеют экипажи, кучеров и пр., то есть, для лиц, у которых еще осталось старое заведение, для лиц, у которых сохранились деньги или выкупные свидетельства, у которых еще есть леса, осталось много отрезков, на счет которых они ведут хозяйство, или для лиц, которые, живя в деревне, занимают какие-нибудь должности с жалованием. Небогатые помещики, например, такие, которые имели 300 заложенных душ крестьян, арендаторы мелких имений, приказчики, управляющие отдельными хуторами, попы, содержатели

постоялых дворов и тому подобные зажиточные, сравнительно с крестьянами, люди не могут посылать в город за доктором; эти большею частью пользуются хорошими, то есть имеющими в околотке известность, фельдшерами, преимущественно из дворовых, фельдшерами, которые заведовали аптеками и больницами, имевшимися у богатых помещиков во время крепостного права. Однако и такие фельдшера для массы наших бедных крестьян тоже недоступны, потому что и фельдшеру нужно дать за визит три рубля с его лекарством, а то и пять рублей. К таким фельдшерам прибегают только очень зажиточные крестьяне. Затем следуют фельдшера второго разряда, лечашие самоучкой, самыми простыми средствами, – деды, бабы и все, кто маракует хотя немного. Остаются еще случайные доктора: какой-нибудь лекарь или медицинский студент, приехавший на побывку к родным, и т. п. Заболеет мужик – ходит, перемогается, пока есть сила. Свалился – лежит. Есть средства: сыскивает фельдшера или деда, а нет – просто лежит или к кому-нибудь из помещиков, у которых есть лекарство, пошлет попросить чего-нибудь. Иные вылеживают, выздоравливают. Другие умирают. Лежит, лежит до тех пор, пока не умрет.

Самое худое, что, поправившись, отлежавшись, опять заболевают, и во второй раз редко уже встают, потому что, не успев хорошенько поправиться, начинают работать, простуживаются (замечу, между прочим, что у крестьян отхожих мест нет и самый трудный больной для отправления нужды выходит, выползает или его выносят на двор, какова бы ни была погода) и, главное, не получают хорошей пищи, да что говорить хорошей, не получают мало-мальски сносной пищи.

У меня есть работница Хима из соседней деревни. У нее во дворе – а двор-то бедный-бедный, с покрова уже хлеба не было – осталась за хозяйку дочка, молоденькая, красивая девушка Аксюта, муж-хозяин и трое детей, которые всю нынешнюю зиму ходили в кусочки. Осенью, на одной свадьбе, Аксюта сильно простудилась. Сделался кашель, Аксюта стала харкать кровью и слегла. За попом послали. Аксюте все хуже, да хуже. Ездили к какому-то бывшему дворовому человеку, который, говорят, помогает. Тот дал питье, – кислое-прекислое, говорила мне Хима, – помогло. Аксюта стала поправляться и, может, выздоровела бы, если бы ей дать питательную пищу, удобное помещение и побережь от простуды, а то приходит раз ко мне Хима.

– Что тебе, Хима?

– Да, насчет дочки пришла.

– Что же дочка?

– Поправляться стала. Ходит. Только пушного хлеба есть не может. Пожует, пожует, да и выплюнет – проглотить не может. Прислала мальчишку, пусть, говорит, matka барина попросит, не даст ли картошки.

Пушной хлеб готовится из неотвечной ржи, то есть смесь ржи с мякиной мелется прямо в муку, из которой обыкновенным образом готовится хлеб. Хлеб этот представляет тестяную массу, пронизанную тонкими иголками мякины; вкусом он ничего, – как обыкновенный хлеб, питательность его, конечно, меньше, но самое важное неудобство – это, что его трудно глотать, а непривычный человек и вовсе не проглотит, если же и проглотит, то потом все будет перхать и чувствовать какое-то неудобное ощущение во рту. И таким-то хлебом, или еще хуже, сухими, собранными месяц тому назад, пушными кусочками должен питаться выздоравливающий больной. Как же тут поправиться?

Вскоре Аксюте, которая стало было поправляться, опять стало хуже. Не оправившись от болезни, она стала носить воду, мять пеньку, убирать скот. Простудилась и опять слегла. В деревне все решили, что Аксюта умрет. Мать, которая очень любила и баловала Аксюту, относилась к этому совершенно хладнокровно, то есть с тем, если можно так выразиться, бесчувствием, с которым один голодный относится к другому. «А и умрет, так что ж – все равно,

по осени замуж нужно выдавать, из дому вон, умрет, так расходу будет меньше» (похоронить стоит дешевле, чем выдать замуж).

Аксютя пролежала всю зиму и умерла в марте. Бедному во всем несчастье: уж умерла бы осенью, а то целую зиму расход, а к весне, когда девка могла бы работать, умерла. Крестьяне и замуж-то девок отдают по осени, главным образом потому, что *какой же расчет*, прокормив девку зиму, отдать ее весной, перед началом работ, замуж, – это все равно, что продать дойную корову весной.

Очень часто хорошая пища, теплое помещение, избавление от работ были бы самым лучшим средством для излечения; но все-таки, я думаю, что те молодые доктора, от которых мне случалось слышать, что им нечего делать в деревнях, потому что лекарства не могут помогать, если у больного нет хлеба и пр., не совсем правы. Часто, очень часто, вовремя поданная помощь могла бы принести огромную пользу. Но необходимо, чтобы доктор жил близко (нужно, чтобы в каждой волости был доктор или, если хотите, фельдшер, но фельдшер образованный, гуманный, – не нужно много медицинских познаний, но главное, чтобы был человек образованный с независимыми мнениями), сам давал лекарства, ездил к больным в том экипаже, который пришлют, то есть в простой телеге, чтобы он брал небольшую плату за визит вместе с лекарством, не требовал денег тотчас, а ожидал уплаты до осени, как, например, делают хорошие попы, в крайних случаях лечил даром, не отказывался от уплаты за лечение деревенскими продуктами, приносимыми по силе возможности (даром лечить он должен только в редких случаях, а то никакого толку не выйдет, потому что в большинстве случаев мужик не поймет, чтобы можно было давать лекарства даром), чтобы он не был казенный доктор и не ездил вскрывать трупы и вообще не участвовал при следствиях (для этого есть уездные доктора); хорошо было бы, если б доктор имел свое хозяйство, так чтобы мужик мог отработать за лечение. Понятно, что все-таки доктору волость должна была бы давать жалованье и средства для покупки лекарств и содержание больницы. Я уверен, что, хорошо взявшись за это, можно было бы устроить дело, но для этого необходимо, чтобы все лица, живущие в одной волости, – помещики, попы, мещане, арендаторы, крестьяне, – словом, все живущие на известном пространстве земли, составляли одно целое, были связаны общим интересом, лечились бы одним и тем же доктором, судились одним судьей, имели общую кассу для своих местных потребностей, выставляли в земство общего представителя (или представителей) волости и пр., и пр. Пока этого нет – и медицинской помощи в деревнях не будет, потому что земство, в теперешнем его виде, ничего настоящего по этой части не сделает – я в этом уверен. Я не могу себе представить, чтобы живущий в городе председатель управы или член (я рассуждаю вообще, не имею в виду земских лиц уезда, в котором живу, и прошу не принимать этих рассуждений на чей-либо личный счет), у которого есть под рукой доктор и аптека, мог живо принимать к сердцу положение, не говорю мужика, умирающего на печке, но хотя бы меня, лежащего без помощи, потому что я, не имея приличного экипажа (я, например, кроме телеги и беговых дрожек, другого экипажа не имею), лошадей и кучера для посылки за доктором, не имея средств платить 15 рублей за визит, да, кроме того, и физически не будучи в состоянии, за разливом рек, добыть доктора, живущего за 30 верст, вынужден, заболев, лежать и ждать, авось пройдет, или обратиться к фельдшеру, живущему в соседстве, или к моей «старухе». Я не могу себе представить, чтобы живущий в городе земский деятель мог живо принимать к сердцу положение мужика, которому нечего есть, и принимать меры к обеспечению продовольствием, да и *когда* еще он узнает о том, что мужику есть нечего, да и много ли таких, которые понимают быт мужика. Я встречал здесь помещиков, – про барынь уж и не говорю, – которые лет 20 живут в деревне, а о быте крестьян, о их нравах, обычаях, положении, нуждах никакого понятия не имеют; более скажу, – я встретил, может быть, всего только трех-четырех человек, которые понимают положение крестьян, которые понимают, что говорят крестьяне, и которые говорят так, что крестьяне их понимают. Я не могу себе представить, чтобы земские деятели, не связанные с нами, так сказать, органи-

чески, могли живо чувствовать и принимать к сердцу наши, если можно так выразиться, территориальные волостные интересы; другое дело, если бы они были представители волостей, то есть, единиц, состоящих из людей разных сословий, живущих на одном пространстве земли и потому необходимо связанных общим интересом. Конечно, я сам выбираю гласного от землевладельцев; но зачем я его выбираю – я и сам не знаю. Приказано, потому и выбираю. Мужики тоже выбирают гласного от сельского сословия, потому что приказано, и молят: «отпустите вы нас только поскорее, потому что у нас покос, уборка хлеба». Если бы меня выбрали в гласные, то я и сам не знал бы, зачем меня выбрали и что я там буду делать. Наконец, гласный от землевладельцев, гласный от крестьян, никакой инструкции от избирателей не получает, никакого отчета им не отдает: говори там, батюшка, что хочешь; спасибо, что идешь в гласные. Мне кажется, что совсем бы другое было, если б гласный был представитель волости. Начал бы наш гласный толковать о необходимости исправлять дороги, например, – мы бы ему сейчас и сказали: что ты, любезный, толкуешь! у нас в волости всего один барин есть, у которого остались коляски и держатся кучера и которому, следовательно, нужны хорошие дороги, а мы все, и мужики, и мелкопоместные, и бывшие средней руки помещики, и попы, ездим теперь одиночками в телегах – для нас дороги хороши. Начал бы он... да он и не говорил бы того, о чем ему его избирателями не поручено. Если бы земские люди были действительно люди, излюбленные земскими обывателями, если б это действительно были представители лиц, живущих на известных пространствах, если бы это были лица, которые бы знали, для чего их избирают, если бы и избиратели знали, зачем избирают, – тогда другое дело. При теперешнем же устройстве, когда лица разных сословий, живущие в одной волости, ничего общего между собою не имеют, подчинены разным начальствам, разным судам, – ничего путного быть не может. Волостной плох, жмет крестьян, деспотствует над ними – мне что за дело? Да если бы я, по человечеству, и принял сторону крестьян, что же я могу сделать? Еще сам поплачусь – производят меня в возмутители крестьян и отправят, куда Макар телят не гонял, а крестьян перепорют. Разумеется, в таких случаях, когда идет война между крестьянами и волостным, каждый, и зная, что крестьяне правы, отходит в сторону, да и крестьянам посоветует не горячиться. Мировой посредник плох до крестьян, а мне что? Волостной суд пьянствует и пр. и пр., а мне что? да и что я сделаю? Поп прижимист... но мы не можем переменить попа и т. д. А вот если бы: волость – единица, волостной старшина, выборный, административное начальство в волости, которому в определенном законном отношении подчинены все живущие в волости, и крестьяне, и помещики, и попы и пр. Свой волостной судья, в волости живущий. Свои выборные попы волостные. Своя внутренняя волостная полиция. Свои волостной совет. Тогда бы скорее мог бы явиться свой волостной доктор, своя волостная школа, своя волостная ссудная касса.

Ежемесячно ко мне приезжают попы. «Попы» не значит поп во множественном числе. Словом «попы» обозначают всех принадлежащих к духовному званию, всех, кто носит длинные волосы, особенного покроя поповское платье; тут и поп, и дьякон, и дьячок, и пономарь, настоящие и заштатные, и все состоящие при селе. На святой или на рождество, где есть обычай, за попом по приходу ходит многое множество такого поповского народа. Слово «попы» имеет такое же значение, как и слово «воронье». Ворон, грач, ворона, галка, сорока, все это пернатое царство – «воронье». Я люблю, когда приезжают попы. Попы бывают у меня ежемесячно для совершения водосвятия на скотном дворе. Обычай уже такой есть исстари (издревле, как говорит дьякон), чтобы каждый месяц совершать на скотном дворе водосвятие. Каждое первое число, или около того, приезжают попы – священник, дьякон, два или три дьячка, – совершают на скотном дворе водосвятие – на дворе, в хлеву или в избе – и обходят с пением тропаря «Спаси, господи, люди твоя» весь двор, причем священник заходит в каждый хлев и кропит святою водой. Если я дома, то обыкновенно присутствую при службе и затем приглашаю попов к себе закусить и выпить чаю. Закусываем, пьем чай, беседуем. Я люблю беседовать с попами и нахожу для себя эти беседы полезными и поучительными. Во-первых, никто так

хорошо не знает быт простого народа во всех его тонкостях, как попы; кто хочет узнать настоящим образом быт народа, его положение, обычаи, нравы, понятия, худые и хорошие стороны, кто хочет узнать, что представляет это, никому неизвестное, неразгаданное существо, которое называется мужиком, тот, не ограничиваясь собственным наблюдением, должен именно между попами искать необходимых для него сведений; для данной же местности попы в этом отношении неоценимы, потому что в своем приходе знают до тонкости положение каждого крестьянина. Во-вторых, после крестьян никто так хорошо не знает местного практического хозяйства, как попы. Попы – наши лучшие практические хозяева, – они даже выше крестьян стоят в этом отношении, и от них-то именно можно научиться практике хозяйства в данной местности. Хозяйство для попов составляет главную статью дохода. И чем же будет жить причетник, даже дьякон, на что он будет воспитывать детей, которых у него всегда множество, если он не будет хороший сельский хозяин. Конечно,

Попов пирог с начинкою,
Попова каша с маслицом,
Поповы щи с сметком...

Но это только у попа-батки, а не у причетника, который перебивается со дня на день.

Не знаю, как в других местах, но у нас церковью множество, приходы маленькие, крестьяне бедны, поповские доходы ничтожны. Как невелики, по крайней мере у нас, поповские доходы, видно из того, какую низкую плату получают попы за службу. За совершение ежемесячно водосвятия на скотном дворе я плачу в год три рубля, следовательно, за каждый приезд попам приходится 25 копеек. Эти 25 копеек делятся на 9 частей, следовательно, на каждую часть приходится по $2\frac{3}{4}$ копейки ($\frac{1}{4}$ копейки останется ежемесячно). Священник получает четыре части, значит 11 копеек; дьякон две части, значит $5\frac{1}{2}$ копеек, три дьячка по одной части, следовательно, по $2\frac{3}{4}$ копейки каждый. Таким образом, дьячок, приезжающий из села за семь верст, получает за это всего $2\frac{3}{4}$ копейки. Положим, что попы объедут за раз, в один день, три помещичьих дома и совершат три водосвятия, при этом им придется сделать 25 верст, то и при таких благоприятных условиях дьячок заработает $8\frac{1}{4}$ копеек, дьякон $16\frac{1}{2}$ копеек и сам священник – 33 копейки. Я привел эти цифры, чтобы показать, как незначительны доходы попов в нашей местности. От крестьян попы, разумеется, получают более. У крестьян службы не совершаются ежемесячно, но два или три раза в год попы обходят все дворы. На святой, например, попы обходят все дворы своего прихода и в каждом дворе совершают одну, две, четыре службы, смотря по состоянию крестьянина – на рубль, на семь гривен, на полтинник, на двадцать копеек – это уж у самых бедняков, например, у бобылок, бобылей. Расчет делается или тотчас, или по осени, если крестьянину нечем уплатить за службу на святой. Относятся здешние попы, в этом отношении, гуманно и у нас, по крайней мере, не прижимают. Разумеется, кроме денег получают еще яйца и всю неделю, странствуя из деревни в деревню, кормятся. Так как службы совершаются быстро, и в утро попы легко обойдут семь дворов (у нас это уже порядочная деревня), то на святой ежедневный заработок порядочный, но все-таки доход в сумме ничтожный. Понятно, что при таких скудных доходах попы существуют главным образом своим хозяйством, и потому, если дьячок, например, плохой хозяин, то ему пропадать надо. Я заметил, что причетники, в особенности пожилые, всегда самые лучшие хозяева – подбор совершается, как и во всем.

Езжу иногда к помещикам, или, лучше сказать, к помещицам, потому что теперь в поместьях остались по преимуществу барыни, которые и ведут хозяйство. Сначала я толковал с помещиками все больше о хозяйстве, которое для нас дело самое интересное, потому что какое же нам дело до политики, не все ли нам равно, здоров принц Вельский или нет, какое нам

дело до того, кто лучше поет, Лукка или Шнейдер, какое нам дело, чьего изобретения гороховая колбаса питательнее, и т. п.: но скоро я убедился, что говорить с помещиками о хозяйстве совершенно бесполезно, потому что они большею частью очень мало в этом деле смыслят. Не говорю уже о теоретических познаниях, – до сих пор я еще не встретил здесь ни одного хозяина, который бы знал, откуда растение берет азот или фосфор, который бы обладал хотя самыми элементарными познаниями в естественных науках и сознательно понимал, что у него совершается в хозяйстве, – но и практических знаний, вот что удивительно, нет. Ничего нет, понимаете. Мужик хоть практику понимает и здравый смысл в деле хозяйства имеет. Есть некоторые, которые занимаются хозяйством или, лучше сказать, разоряются *по агрономии*, как у нас говорят (здесь у практиков мелкопоместных хозяев сложилось убеждение, что, кто занимается по агрономии, тот непременно разорится, как это обыкновенно и бывает); то есть, нахватавшись внешних форм так называемого рационального хозяйства из разных книжек, преимущественно, кажется, из «Земледельческой газеты», вводят разные новости: машины ненужные выписывают, турнепсы и лупины сеют. Разумеется, ничего путного не выходит, а если некоторые из таких агрономов еще держатся, то только благодаря отрезкам, лесам и старому заведению. О хозяйстве, значит, говорить много не приходится, разве только цены узнаешь, про ход дел у соседа спросишь.

На станцию железной дороги езжу. Там, в 100 саженьях от вокзала, есть постоялик, вечно наполненный народом – покупателями и продавцами дров, приказчиками, приемщиками дров, дровокладами, возчиками. Этот постоялик – наш Дюссо, с тою только разницей, что, вместо того чтобы слышать, как у Дюссо, *comme eile se gratte les hanches et les jambes* – здесь вечно слышим: по пяти взял за швырок; без 20-ти семь продали на месте; он мне 70 за десятину; извольте, говорю.

Вся наша торговля сосредоточивается на дровах. Теперь только и разговору о продажах леса. Вся станция завалена дровами, все вагоны наполнены дровами, по всем дорогам к станции идут дрова, во всех лесах на двадцать верст от станции идет пила дров. Лес, который до сих пор не имел у нас никакой цены, пошел в ход. Владельцы лесов, помещики, поправили свои дела. Дрова дадут возможность продержаться еще десяток лет даже тем, которые ведут свое хозяйство по агрономии; те же, которые поблагоразумнее, продав леса, купят билетики и будут жить процентами, убедившись, что не господское совсем дело заниматься хозяйством. Несмотря на капиталы, приплывшие к нам по железной дороге, хозяйство несколько не улучшается, потому что одного капитала для того, чтобы хозяйничать, недостаточно.

Вот так-то. Сижу я все у себя в деревне, никуда далее 15 верст не езжу, и даже в своем городе уездном был всего только один раз. Понятно, что я ни о чем другом, кроме хозяйства, писать не могу.

Я сказал, что постоянно сижу в своей деревне и далее 15 верст никуда не езжу... Не хочу грешить, – раз был в соседнем уезде на съезде земских избирателей для выбора гласных от землевладельцев. Поехал я на этот съезд потому, что хотел повидаться с моими родственниками и знакомыми, – я сам родом из того уезда, – которые должны были собраться на съезд. На съезде ничего интересного не было. Выбирали гласных. Прочитают имя, отчество и фамилию, закричат: «просим, просим», и начинают класть шары; кому много накидают, кому мало. Впрочем, если бы на съезде и было что интересное, то я не мог бы заметить, потому что, сами посудите: меня звал приехать на съезд один богатый родственник, который и прислал за мною лошадей в приличном экипаже с кучером. К вечеру я приехал к родственнику. Поужинали, рейнвейну, бургундского выпили; еще есть и у нас помещики, у которых можно найти и эль, и рейнвейн, и бутылочку-другую шипучего. На другой день встали на заре и отправились. Отъехав верст 12 – холодно, потому что дело было в сентябре – выпили и закусили. На постоялом дворе, где нас ожидала подстава, пока перепрягали, выпили и закусили. Не доезжая верст восемь до города, нагнали старого знакомого, мирового посредника, сейчас ковер на землю

– выпили и закусили. В город мы приехали к обеду и остановились в гостинице. Разумеется, выпили и закусили перед обедом (непрошенная). К обеду, за table d'hote (каковы мы – настоящая Европа!), собралось много народу, все богатые помещики (и как одеты! какие бархатные визитки!). За обедом, разумеется, выпили. После обеда пунш, за которым просидели вечер. Поужинали – выпили. На другой день было собрание. Выбор гласных происходил в довольно большой зале, в верхнем этаже гостиницы, в той зале, где бывает table d'hote. Через комнату от залы собрания буфет, где можно выпить и закусить; что значит образование! Тут же, подле, и буфет устроен, потому что безопасно, никто не напьется! А посмотрите у мужиков: здесь волостное правление, а кабак должен быть отставлен на 40 сажен, потому, говорят, нельзя иначе, – мужик сейчас напьется, если кабак будет рядом с волостью, а тут, все-таки же, сорок сажен нужно пройти. Выборы продолжались далеко за полночь. Обедать было некогда и негде, все закусывали. На другой день были выборы кандидатов в гласные. После выбора кандидатов обедали настоящим образом и пили хорошо. На третий день ничего не было по части общественных дел, но вечером в той же зале был бал. Танцевали. Ужинали. Пили. Я боюсь, однако, чтобы мое выражение «выпили» не было принято дурно. Оговорюсь: пил, собственно, я, да еще два-три человека, а другие были заняты *серьезным* делом – выборами гласных.

На четвертый день был съезд мировых судей. Боже мой, что это за великолепие и какая разница от присутственных мест! Большая, светлая, великолепная зала, превосходная мебель для публики; место, где восседает суд, отделано великолепно, судьи все в блестящих мундирах, украшены орденами и разными знаками – все бывшие деятели, в ополчении, при освобождении крестьян, в Западном крае. Отлично. Разбиралось дело какого-то мужика, который украл лошадь. Мужичонка небольшой, в лаптях, в худом зипунишке, представлял такой контраст с великолепием суда, – это и хорошо: великолепие поселяет в массах уважение к предмету; за границей университет и вообще учебные заведения большею частью суть самые великолепные здания в городах.

Но то-то, я думаю, мужику страшно было. Беда ведь это, крый господи, под суд попасть. Стоит мужик – его с одной стороны, его с другой, и все это так вежливо «вы» (а это еще страшнее). Прокурор стал мнение подавать – этот посердитее говорит. Ушли, потом опять пришли: в тюрьму, говорят; однако сроку сбавили. Другого подавай. Отлично.

Удивительно это хорошая вещь, новое судопроизводство. Главное дело хорошо, что скоро. Год, два человек сидит, пока идет следствие и составляется обвинительный акт, а потом вдруг суд, и в один день все кончено. Обвинили: пошел опять в тюрьму – теперь уже это будет наказание, а что прежде отсидел, то не было наказание, а только мера для пресечения обвиняемому способов уклоняться от суда и следствия. Оправдали – ты свободен, живи где хочешь, разумеется, если начальство позволит. Отлично.

Письмо третье

«Бабье лето». – Льянные «опыты». – Рубка капусты. – Бабы песни. – Сидор и солдатка. – Как закинула капуста. – Толоки и помочи «из чести». – Нужно ли чинить дороги. – Степка-поваренок и его урок деревенской политики. – Вопрос о поправах. – Брать ли штрафы. – Воображаемое «зло». – Все от панов! – Почему Касьяну бывает в четыре года один праздник, а Николе два в году. – Лен и земляные блохи. – «Напущенные» сороки. – Агрономические книги. – Голодная весна. – «Обязанный» Дема. – Сеять или не сеять – весенний вопрос. – Еще о книгах и книжной мертвечине. – О грибах. – «Новь» на мельнице

Сентябрь. Бабье лето наступило. Лес расцвятился пестрыми красками, лист на деревьях сделался жесток и шумит по-осеннему, но еще не тронулся – морозов не было. Небо серо, моросит осенний мелкий дождичек, солнышко если и выглянет, то сквозь туман, и светит, и греет плохо. Мокро; но это слава богу, потому что «коли бабье лето ненастно – осень сухая». Со дня на день ждем морозов; мы в деревне всегда чего-нибудь ждем: весною ждем первого теплого дождика, осенью – первого мороза, первого снега; хоть мороз нам вовсе не нужен, но нельзя же осенью без мороза, как-то беспокойно, что нет мороза; все думается, не было бы от этого худа. Чересчур что-то хорошо нынче: весна стала с первых чисел апреля, осень еще не началась в сентябре, пять месяцев не было морозов. К добру ли это? – ворчит «старуха», – нет-нет морозов, а потом как хватит! Все божья воля, – прибавляет она, спохватившись, что не следует роптать... все божья воля: бог не без милости, – он милосердный, лучше нас знает, что к чему.

Но вот и бабье лето кончилось. Прошли «Федоры – замочи хвосты». Уже и по календарю наступила осень, а морозов настоящих все нет как нет, – скучно даже. Наконец на воздвижение ударил настоящий мороз; ночью сильно прихватило. Проснулся поутру – светло, ясно, весело. Смотрю в окно – все бело, подсолнечники уныло опустили головы, лист на настурциях, бобах, ипомеях почернел – только горошки и lupины еще стоят. После мороза лес пошел быстро оголяться: тронулась липа, осина; еще мороз – пошла и береза. Лист так и летит; с каждым днем в рощах все делается светлее и светлее; опавший лист шумит под ногами; летние птицы отлетели, зимние сбились в стаи, заяц начал белеть; около дома появились первые зимние гости – синички.

Удивительный нынче год! В конце сентября опять вернулось лето. Вот уже несколько недель стоит великолепная погода: небо ясно – ни облачка, солнце печет как в покос, только по вечерам чувствуется, что дело идет не на лето, а на зиму. Перед казанской прихватило было, но потом опять отпустило, и скот еще после родительской ходит в поле.

Как попривыкнешь, хорошо в деревне и осенью – вольно, главное.

С полей давно уже убрались. Лошадям приволье – бродят неопутанные, где хотят. Народ весел – хлеб родился хорошо; тяжелые полевые работы окончены. Конечно, мужик и теперь не без работы; но день мал, а ночь длинна – не так утомляется на работе днем и есть когда отдохнуть ночью; хлеб чистый, вольный. С огородов и овинов несутся звуки веселых осенних свадебных песен; бабы уже решили, кто на ком должен жениться, и в песнях, по своему усмотрению, сочетают имена парней и девок, которым пора жениться нынешней осенью.

В комнатах сейчас видно, что осень, – господствует тот особенный запах, который вы ощущаете осенью, входя на постоялый двор или в чистую избу зажиточного мужика, попа, мещанина, – запах лука, гороха, укропа и т. п. В одном углу навален лук, в другом, на рядинах, созревают бобы, семена настурций. В столовой весь пол завален кукурузой, подсолнечниками – все это у нас нынче выспело. На окнах, на столах, на полках разложены цветочные и огородные семена, образчики сена, льна, хлебов. Стены увешаны пучками укропа, тмина, петрушки.

Идет уборка огородного. Авдотья совсем про меня забыла; она до такой степени занята «огородным» и льном, – на обязанности Авдотьи лежит брать «спытки» льну со стлища и определять «ложился ли лен», – что готова оставить меня без обеда. Забежит поутру.

– Я вам, А.Н., сегодня щи с бараниной сделаю.

– А еще что?

– Баранины зажарю.

– Да ты бы, Авдотья, хоть утку с рыжиками сделала, а то все баранина да баранина.

– Как прикажете, – начинает сердиться Авдотья, – вы всегда не вовремя загадаете: сегодня бабы пришли капусту рубить, а тут утку... Воля ваша, как прикажете, только насчет огородного не спрашивайте. Извольте, утку сделаю, а уж капусту, значит, оставим. Понапрасну только пироги пекли.

– Ну, хорошо, хорошо, жарь баранину, да только не забудь чесночком нашпиговать.

– Не забуду, – весело отвечает Авдотья и торопливо убегает в застольную, откуда через минуту слышится ее звонкий голос: – Вы, бабочки, идите капусту возить, а я сейчас, только спыток сомну.

Через каких-нибудь полчаса Авдотья уже прибегает ко мне с двумя горстями льну.

– Какой это лен?

– Трощенков. Вчера спыток взяла; по-моему, лежился; особенно, который побуйнейший. Мелкий-то еще не совсем, а буйный хорошо лежился – сами извольте посмотреть.

– Что ж, подымать будем.

– Воля ваша, а по-моему, пора подымать – еще в кладке что-нибудь дойдет – послабеет.

Авдотья бежит на огород, откуда опять слышится ее голос:

– Вы, бабочки, как свезете капусту, позавтракайте, да и начинайте рубить, а я сейчас, только барину кушанье сготовлю.

Авдотья готовит кушанье, но мысли ее далеко – в избе, где рубят капусту. Как только кушанье готово, она чуть не в одиннадцать часов утра подает обедать, и не дождавшись, пока я кончу обед, предоставив все убрать Савельичу, бежит в застольную угощать баб водкой и пирогами, потому что бабы пришли убирать огородное «из чести». До обеда было тихо, но, выпив водки и пообедав, бабы, работая, «кричат» песни. Долго после солнечного заката, до поздней ночи, из избы несется мерный стук сечек и слышатся звонкие песни.

Зеленая рутушка, желтый цвет,
Что тебя, Сидорка, долго нет,
Давно тебя Анисья к себе ждет...—

поют бабы.

Бабы решили, что Сидор, молодой парень из соседней деревни, служащий у меня в качестве кучера, огородника, мясника – он режет телят и баранов – и вообще по особым поручениям, непременно должен в нынешнем году жениться, потому что, за выходом замуж Сидоровой сестры, в его двор нужна работница. Бабы решили, что Сидор должен жениться на молодой девушке из той же деревни, Анисье, которой в нынешнем году тоже следует выходить замуж. Сидор, слушая песни, ничего, только ухмыляется, но одна из моих работниц, солдатка, которая находится с Сидором в интимных отношениях, не может скрыть своей досады. Бабы это замечают и с особенным наслаждением «точат» солдатку. Прокричав «рутушку», бабы заводят:

Переманочка уточка
Переманила селезня
На свое озеро плавати,
Но не я ж-то его манила,

Сам ко мне селезень прилетел,
На меня, утицу, глядячи,
На мои тихие наплывы,
На мои серые перушки,
На сизые крылышки.
Перепросочка Анисья
Перепросила Сидора
На свою улицу гуляти.
Нет, не я его просила,
Сам молодец ко мне пришел,
На меня, девицу, глядячи

и т. д.

Солдатка из себя выходит. Сказать бабам ничего нельзя, придаться не к чему, а бабы, понимая это, так и пробирают, так и пробирают: Анисья-то и молода, Анисья-то и хороша, Анисья-то Сидору под пару, толкуют бабы и опять заводят песню. В каких-нибудь две недели капустенских вечеров солдатка, женщина тихая и добрая, озлобилась до такой степени, что и не подходи к ней: взбесилась, как говорит Авдотья, похудела, почернела; со всеми ссорится, бранится, придирается к пустякам, а не на ком сорвать злобу, так мучит свою грудную дочку – плод преступной любви. Совсем одурела баба, да оно, впрочем, и понятно. Дошло до того, что солдатка пришла наконец ко мне просить расчета...

– Пожалуйста мне расчет, А.Н. Всем я вами довольна, а жить больше не могу. Обижают меня все.

– Кто ж тебя обижает?

– Все обижают, «старуха» обижает, – все не так, говорит, делаю; скотница обижает; все обижают.

– Изволь.

Солдатка в слезы – и плачет, и злится. Жалко мне ее стало: уж, должно быть, хорошо ее бабы пробрали, если она решилась уйти и расстаться с Сидором.

Призываю Авдотью.

– Что это, спрашиваю, с солдаткой?

– Бог ее знает. Взбесилась. И сердиться на нее, и жалко. Просто с ума сошла. Вчера дочку в хлеве бросила посреди коров. Пропадай она, говорит, – мне все равно. Еще чего не сделала бы.

– Да с чего это с ней стало?

– Совсем одурела, от дела отбилась, злится все.

– Это все ваши песни.

– Ну, конечно. Да ведь нельзя же, А.Н., рот другому зажать, а и Сидору не оставаться же холостым.

– Да какое же вам, бабам, до этого дело?

– А вот – хотят, поют; что же она бабам поделает? так вот ее и испугались! Она себе злись! – начинает сердиться Авдотья.

Кое-как успокоил солдатку, обещал дать через неделю расчет; потом дело уладилось, кончилась уборка капусты, бабы перестали к нам собираться, и солдатка успокоилась. Теперь весела, добра и расчета не спрашивает.

Во время уборки огорода Авдотья совсем меня вытеснила, точно не я и хозяин; дошло до того, что она уже и в дом переехала со своей капустой. Просыпаюсь раз поутру, слышу какой-то шум за стеной, таскают что-то, передвигают.

– Что это? – спрашиваю Авдотью.

– А капусту будем в кухне рубить.

– Какую капусту?

– Белую; будем шинковать и рубить белую капусту для вас. В застойной грязно, а для вас нужно почище сделать – я вот и надумалась в кухне рубить.

– А я-то куда денусь?

– В поле пойдете теперь, а вечером что же вам все одним сидеть. Весело будет: бабы песни играть будут, – я самых лучших игриц позвала: «Селезня» сыграем.

– А споете «Чтобы рожь была колосиста, чтобы моя жена стоячи жала, спины не ломала»? – смеюсь я.

– Сыграем и эту. – Авдотья на все согласна, лишь бы я не запретил шинковать капусту в доме: ей ужасно хочется, чтобы капуста у нас вышла хорошая, не хуже, чем у соседних помещиц.

Я, разумеется, разрешил рубить капусту в доме. Авдотья заняла все комнаты и готова была даже в мой кабинет поставить какую-нибудь кадку, но кабинет я отстоял. Вечером было весело. В чистых двух комнатах Авдотья засадила девочек лущить бобы и перебирать лук; в кухне, на Авдотьиной половине, шинковали и рубили капусту. Бабы и девочки пели песни и, наконец, покончивши с капустой, плясать пустились. Всем распоряжалась Авдотья, и даже ее муж, староста Иван, ни во что не вмешивался, потому что капуста – бабье дело. Все вышло очень хорошо: нарубили и нашинковали две огромные кадки, которые и поставили в кухне. На другой день я уехал в гости и возвратился через несколько дней. Вхожу в комнаты – вонь страшнейшая, продохнуть нельзя.

– Что это у тебя, Авдотья, так воняет в комнатах?

– Помилуй господи!

– Ведь войти в дом нельзя.

– Не знаю. Ничего такого нет, разве капустой пахнет, капуста закисает, бруда идет. А то ничего нет.

Действительно, это капуста закисала.

Все «огородное» бабы из двух соседних деревень убирали у меня «из чести»; только картофель убирали «за потравы».

Работа «из чести», толокой, производится даром, бесплатно; но, разумеется, должно быть угощение, и, конечно, прежде всего водка. Загадав рубить капусту, чистить бураки и пр., Авдотья приглашает, «просит» баб прийти на «помочи». Отказа никогда не бывает: из каждого двора приходит по одной, по две бабы, с раннего утра. Берут водки, пекут пироги, заготавливают обед получше, и если есть из чего, то непременно делают студень – это первое угощение. «Толочане» всегда работают превосходно, особенно бабы, – так, как никогда за поденную плату работать не станут. Каждый старается сделать как можно лучше, отличиться, так сказать. Работа сопровождается смехом, шутками, весельем, песнями. Работают как бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Это даже не называется работать, а «помогать». Баба из зажиточного двора, особенно теперь, осенью, за деньги работать на поденщину не пойдет, а «из чести», «на помощь», «в толоку», придет и будет работать отлично, вполне добросовестно, похозяйски, еще лучше, чем баба из бедного двора, потому что в зажиточном дворе, у хорошего хозяина, и бабы в порядке, умеют все сделать, да и силы больше имеют, потому что живут на хорошем харче. Нельзя даже сказать, чтобы именно водка привлекала, потому что приходят и такие бабы, которые водки не пьют; случается даже, что приходят без зову, узнав, что есть какая-нибудь работа. Конечно, все это происходит оттого, что мужик и теперь всегда в зависимости от соседнего помещика; мужику и дровец нужно, и лужок нужен, и «уруга» (выгон) нужна, и деньжонок перехватить иногда, может быть, придется, и посоветоваться, может быть, о чем-нибудь нужно будет, потому что все мы под богом ходим – вдруг, спаси господи, к суду какому-нибудь притянут – как же не оказать при случае уважение пану! И в деревне ведь то же

самое: к богатому мужику все «из чести» пойдут на толоку, потому что нельзя же – то за тем, то за другим придется к нему обратиться. Я заметил, что, чем богаче деревня, чем зажиточнее и замысловатее крестьяне, тем более стараются они о хороших отношениях к помещику, ближайшему соседу. Зажиточный мужик всегда вежлив, почтителен, готов на всякие мелкие услуги – что ему значит прислать бабу на день, на два в такое время, когда полевые работы окончены? Конечно, он не возьмется работать за бесценок, но если цена подходящая, выгодная и он взял работу, то работает превосходно.

Когда я два года тому назад приехал в деревню, то первую же весну разливом реки у меня промыло плотину и так испортило дорогу, что я, как петербуржец, думал, что по ней и ездить нельзя. Конечно, я скоро убедился, что можно ездить по всякой дороге, потому что если нельзя проехать в телеге, то можно проехать на передке, – весной обыкновенно крестьяне ездят на тележном передке, на ось которого ставится небольшая корзинка, – а верхом или пройти пешком всегда можно; но тогда, когда я был еще внове, услышав, что староста предлагает проезжему помещику, который желал перебраться на ту сторону реки, переехать на нашей лошади верхом, причем убеждал, что это совершенно безопасно, потому что лошадь умна, осторожна, привычна, знает дорогу и переплывет где глубоко, – я был крайне смущен и порешил, тотчас, как спадет вода, поправить дорогу и заделать прорву в плотине. По моему расчету, для поправки плотины и дороги не пошло бы более двадцати кубов земли, и если взять землекопов, граборов, как их здесь называют, то работа обошлась бы рублей тридцать; но землекопов вблизи не было, а мне, как петербуржцу, казалось, что нельзя оставлять дорогу в таком виде и необходимо поправить ее тотчас же, а потому я пригласил соседних крестьян и предложил им взять на себя эту работу. Крестьяне запросили за работу сто рублей. Я предлагал тридцать, предлагал пятьдесят, отказались наотрез: менее 100 рублей не пойдем, говорят. Ну думаю, прижимают. Знают, что негде взять землекопов, и потому жмут: я ведь тогда все воображал, что дорогу-то непременно нужно тотчас чинить и что крестьяне, зная это, потому и прижимают. Теперь, когда я пишу эти строки, мне даже смешны мои тогдашние волнения, потому что, если теперь испортилась дорога, я уже хладнокровно говорю: придет лето, даст бог хорошую погоду, дорога сама поправится, а теперь чини, кто хочет. Да и кто же весной ездит? зачем в такую пору ездить? К мировому привлечь могут – привлекай, – что ж? – можно и к мировому, мировой тоже человек, понимает, что я против стихии божьей не властен. Мировой! а разве у него в имени дорога лучше моей? Известное дело, проселочная дорога – проехать можно. Кое-как поладим, в телеге проехать можно – живет. Да и зачем нам такая дорога, чтобы удобно было в каретах ездить, когда во всем околотке существуют кареты у двух-трех человек, да и то старые, до «Положения» построенные. Да и что значит «починить» проселочную дорогу? в какой именно вид ее привести? Чтобы в каретах на лежащих рессорах можно было ездить? Но если все проселочные дороги держать в таком порядке, то и пахать некому будет: всем придется постоянно сидеть на дорогах и их чинить. Но если некому будет пахать, не будет ни у кого и карет, – зачем же тогда дороги чинить? Хочешь в каретах ездить – чини сам, а мы на колесах – есть такой экипаж, который называется «Колеса», потому что в нем, кроме колес, ничего нет, – везде проедем. Разумеется, когда начальство едет – губернатор, архиерей, исправник, – тогда, понятно, следует уважение оказать, дорогу починить, тогда не то, что худую, а и хорошую дорогу починим! Повторяю, теперь я привык ко всему этому; знаю, что осенью и весной ездить не следует, да и летом, отправляясь в дорогу, нужно перекреститься, – но тогда, внове, я ужасно волновался. Нужно чинить дорогу, а за починку требуют несообразную цену – сто рублей. Что тут делать? крестьяне так и уперлись на ста рублях.

На другой день приходит ко мне один крестьянин, с которым первым я сошелся по приезде в деревню. Крестьянин этот в крепостное время был взят из деревни в дворню и служил при мне в «мальчиках» в доме, где я воспитывался до пятнадцати лет. В малолетстве мы были друзьями и когда-то вместе играли, бегали, дрались. Потом меня отвезли в Петербург, а Степка

попал в поваренки, был поваром, служил при одном из молодых господ, с которым, как он выражался, отломал два похода: венгерский и крымский. После крымской войны Степан получил вольную, служил долго в Петербурге при одной из гимназий, наконец, заболел, пролежал восемь месяцев в больнице и, поправившись, по совету доктора, отправился в деревню, – двор его зажиточный, – в несколько лет сделался совершенным крестьянином, научился пахать, косить, рубить. Человек он был – нынешней зимой он умер – очень умный, добросовестный работник, отличный хозяин, понаметался около людей, все хорошо понимал и пользовался громадным уважением в деревне. Когда я приехал в деревню, Степан явился ко мне поздравить с приездом, я ему очень обрадовался, стали мы припоминать старое время, как вместе лазили на голубятню, вместе воровали вишни и дразнили старого садовника Осипа. Я, конечно, угостил Степана и водочкой, и чайком. Потом Степан иногда навещался ко мне по праздникам вечерком покалякать: пили чай, болтали о Петербурге, о старом и новом времени, о хозяйстве. Степан много мне разъяснил из деревенских отношений, много дал хороших советов. «Теперь еще лучше можно хозяйничать, чем прежде, когда были крепостные, – говаривал Степан: – теперь все стало дороже, особенно как дорогу провели; вы не опасайтесь, что будет недостаток в рабочих, не бойтесь, что земля запустеет, – все обработают; делайте так, чтобы и вам было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у вас все пойдет хорошо».

– Да как же это сделать?

– Хозяином нужно быть для этого. Коли сделаетесь хозяином, так и будет все хорошо, а если хозяином не можете сделаться, так не стоит и в деревне жить. По-деревенски только все делайте, а не по-петербургски. Здесь иначе нельзя, сами увидите.

После разговора с крестьянами насчет поправки плотины и дороги на другой день Степан пришел ко мне и принес зайца.

– Я вот зайца убил, А.Н., вам принес – русачок.

– Спасибо, вот и отлично, сам его и зажаришь, вместе и закусим.

Степан зажарил зайца, выпили, сели закусить и, разумеется, разговорились о прорыве плотины. Я жаловался, что крестьяне прижимают и требуют сто рублей за такую работу, которая стоит много тридцать рублей.

– Не так вы сделали, А.Н., – заговорил Степан. – Вы все по-петербургски хотите на деньги делать; здесь так нельзя.

– Да как же иначе?

– Зачем вам нанимать? Просто позовите на толоку; из чести к вам все приедут, и плотину, и дорогу поправят. Разумеется, по стаканчику водки поднесете.

– Да ведь проще, кажется, за деньги работу сделать? Чище расчет.

– То-то, оно проще по-немецки, а по-нашему выходит не проще. По-соседски, нам не следует с вас денег брать, а «из чести», все приедут, – поверьте моему слову.

– Хорошо, положим, я толоку сделаю... нужно угощение хорошее, а ты сам знаешь, – у меня никакого заведения нет, столов даже нет.

– Ничего этого не нужно. Все знают, что у вас еще нет заведения, и потому приедут позавтракавши дома; вы им поднесете по стаканчику водки, – самим вам нужно, как хозяину, на работу прийти. Тут дело не в водке – «из чести» приедут; водки для того только нужно, чтобы веселее было работать.

– Мне кажется, гораздо проще за деньги делать. Теперь такое время, что работ полевых нет, все равно на печи пролежат. Цену ведь я даю хорошую?

– Конечно, цена хороша, да мужик-то «из чести» скорее сделает. Да позвольте, вот я сам: за деньги совсем не поеду на такую работу, а «из чести», конечно, приеду, да и много таких. «Из чести» все богачи приедут; что нам значит по человеку, да по лошади с двора прислать? Время теперь свободное, – все равно гуляем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.